

«Каждый день в моей голове рождается новая идея. Затем она начинает развиваться и неотступно неотступно преследовать меня. Как правило, отправной точкой становится одна простая фраза: «А что будет, если...» Вот, например: «Что будет, если люди начнут воспроизводить себе подобных так, как это делают цветы?», «Что произойдет, если людей заставить забыть прошлое?», «Что случится, если на Земле останутся только женщины?» Эти рассказы — зародыши историй, из которых мне, быть может, позже удастся вырастить романы, и тех сюжетов, которым я попытаюсь придать зримый образ, превратив их в фильмы».

Бернар Вербер

Бернард Вербер
Рай на заказ

Посвящается Жилю Малансону

Предисловие

Каждый день в моей голове рождается новая идея.

Затем она начинает развиваться и неотступно преследовать меня. Вначале возникает всего лишь гипотеза, нуждающаяся в проверке, но через некоторое время это уже дорога, по которой мне с неудержимой силой хочется пройти.

Как правило, отправной точкой становится одна простая фраза:

«А что будет, если...»

Вот, например: «Что будет, если станут вешать любого, кто загрязняет окружающую среду?» (доведем до крайности идею заботы об экологии), «Что будет, если люди начнут воспроизводить себе подобных так, как это делают цветы?», «Что произойдет, если людей заставить забыть прошлое?», «Что случится, если на Земле останутся только женщины?»

В этом сборнике перемешаны размышления над «возможными вариантами будущего» человечества и рассказ о событиях моей собственной жизни — «прошлого вероятного». Последние я записал для того, чтобы не забыть. Ибо чем больше я вглядываюсь в будущее, тем сильнее становится ощущение, что в моей памяти зияет провал, где бесследно пропадает мое прошлое.

Вы найдете в этой книге несколько моих излюбленных тем. Я рассматриваю их с разных точек зрения, которые иногда совпадают, иногда противоречат, а иногда дополняют друг друга.

Эти рассказы — зародыши историй, из которых мне, быть может, позже удастся вырастить романы, и тех сюжетов, которым я попытаюсь придать зримый образ, превратив их в фильмы.

Мне нравится «короткий» формат.

Я обязан многими бессонными ночами авторам великолепно скроенных рассказов, моим учителям: Эдгару По, Жюль Верну, Стефану Цвейгу, Г. Ф. Лавкрафту, Дино Буццати, а также А. Э. Ван Вогту, Фредерику Брауну, Айзеку Азимову, Стивену Кингу и особенно Филиппу К. Дику.

Рассказ кажется мне основой писательского мастерства. Ведь именно тут можно опробовать различные литературные формы, приемы, точки зрения, методы повествования.

Кроме того, короткие истории представляются мне литературой будущего по одной простой причине: люди все сильнее ощущают нехватку времени. Каждый рассказ — это не великое и продолжительное кругосветное плавание, а короткая экзотическая прогулка.

Счастливого пути.

Б. В.

1. И ПОВЕСЯТ ОНИ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ЗЕМЛЮ... (будущее возможное)

Изо рта повешенного вывалился посиневший язык.

Мертвеца окружали другие приговоренные рецидивисты, привязанные за шеи к толстым ветвям. Чуть ли не по одному повешенному на каждое дерево. А иногда и по два. И у всех на шее болталась позорная табличка, на которой было написано самое страшное обвинение:

«ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ».

«Надо же, в наше время еще есть люди, которым хватает безрассудства, чтобы загрязнять Землю», — подумал я.

Как правило, я уже не обращал на это внимания. Подобные зловещие плоды украшали деревья в большинстве парков нашего города. И всех остальных городов мира.

Но, вероятно, именно здесь — в Центральном парке, в самом сердце Нью-Йорка, — повешенные больше всего бросались в глаза. И то, что любители здорового образа жизни спокойно совершали утреннюю пробежку, не обращая на них ни малейшего внимания, могло бы показаться шокирующим.

Казненные были в основном молодыми людьми.

«Несчастные безумцы, сколько времени вам понадобится, чтобы все осознать?»

Я попытался понять, что же могло толкнуть их на поступки, повлекшие за собой непоправимые последствия. Кое о чем я догадывался. Одни решили втихую выкурить сигарету, другие, стремясь поразить воображение своих подружек, выкатили из гаража старый «порше» с дедовским двигателем внутреннего сгорания, третьи надумали порисоваться и поиграть в бунтовщиков, запустив древнюю тарахтящую газонокосилку, работающую на бензине.

И попались на этом.

Я их не жалел.

Запрет был прост и ясен: «Больше загрязнять окружающую природу нельзя».

А незнание закона не освобождает от ответственности.

Я неспешно ехал по Пятой авеню на Манхэттене. Кое-где на деревьях можно было заметить других повешенных все с той же позорной табличкой на груди — «Загрязнитель».

По их головам топтались вороны, отталкивая друг друга, чтобы выклевать глаза. Кровавые дыры быстро заполнялись роями жужжащих мух.

«Так приговоренные вновь становятся частью цикла экосистемы. Мясо ты, и в мясо обратишься».

Я сглотнул. Как бы там ни было, смерть этих людей не могла оставить меня равнодушным.

Я переключил свой «форд-мустанг» с откидным верхом на 18-ю скорость (3-я шайба, 6-я зубчатая звездочка) и посильнее налег на педали.

Мне вспомнился тот день, когда все началось.

Внезапно со спутника слежения поступил тревожный сигнал: дыра в озоновом слое над Северным полюсом стала резко расширяться и увеличилась вдвое. Ученые уже давно говорили о том, что это может произойти, и вот теперь человечеству предстояло перейти от теории к практическим занятиям.

Население северных стран — Канады, России, Норвегии, Финляндии — первым ощутило последствия. После того как исчез озоновый фильтр, количество заболевших раком кожи из-за солнечной радиации стало стремительно расти.

Погибли сотни тысяч человек.

Затем мы стали свидетелями таяния ледниковых шапок на полюсах, что привело к резкому подъему уровня Мирового океана и вызвало многочисленные цунами.

Гигантские волны внезапно появлялись на горизонте и затапливали прибрежные районы Индонезии, Филиппин, Цейлона, Занзибара, Мадагаскара, Сейшел и острова Пасхи. С карты мира исчезли целые архипелаги.

Погибли миллионы людей.

В результате нового подъема уровня океана разом ушли под воду Япония, Азорские и Канарские острова.

Погибли сотни миллионов людей.

ООН собралась на экстренное заседание. После бурных дебатов на пост президента был избран Брюс Нимрод^[1], молодой американский политик из партии защитников окружающей среды — так называемых синих («как чистое небо», гласил их собственный девиз).

Президент Нимрод тут же распорядился провести подробнейшую научную экспертизу, чтобы оценить состояние планеты.

Выводы комиссии звучали угрожающе. Толщина озонового слоя уменьшилась до критических размеров, и любой лишней кубический километр загрязняющих веществ мог привести к безвозвратному разрушению этой защитной оболочки. Эксперты предрекали, что тогда средняя температура атмосферы разом увеличится, таяние полярных ледниковых шапок еще более ускорится, а населению Земли придется жить под землей, чтобы защититься от смертоносной солнечной радиации, и на вершинах гор, чтобы избежать наводнений.

Помимо сравнительной молодости — ему было всего сорок семь лет — президента Брюса Нимрода отличала еще одна особенность: он был слеп.

Глядя незрячими глазами в объективы камер, принадлежащих телекомпаниям всего мира, с вершины самой высокой трибуны ООН, он произнес речь, немедленно ставшую исторической:

«Я слеп, но вижу лучше, чем все вы, вместе взятые. Вижу, что у нас больше нет времени. Вижу, что у нас больше нет выбора. Я не говорю о политике — я говорю о выживании человечества как биологического вида. Я не говорю о морали — я говорю об экстренной необходимости. У нас больше нет времени на поиск полумер, на то, чтобы щадить уязвленное самолюбие потребителей, промышленников или представителей правящих кругов. Исключительная ситуация требует принятия исключительных мер».

Были изданы следующие законы по защите от загрязнения окружающей среды.

1. Запрет на вождение автомобиля.

2. Запрет на курение.

3. Запрет на использование двигателя внутреннего сгорания.

4. Запрет на работу любого завода, чей технологический цикл предполагает выброс газов в атмосферу.

5. Запрет на использование любой вещи, выделяющей дым. Даже жаровен для барбекю. Даже каминов и печей. Даже петард.

Первыми активное противодействие новым мерам оказали руководители нефтедобывающих стран. Они попытались подкупить членов Комиссии ООН по безопасности. Затем, ничего не добившись, предприняли попытку убить президента Нимрода. Снайпер-профессионал стрелял в

него с одной из ближайших крыш и чуть-чуть промахнулся.

После покушения президент Нимрод произнес вторую из своих великих речей, и звучала она еще более жестко.

«Нефть — это кровь нашей планеты. Те, кто высасывает ее, — вампиры, — заявил он. — Раз они хотят войны, они ее получают. Мы будем бороться со странами-вампирами, сосущими нефть».

И президент Нимрод инициировал голосование по вопросу о выделении чрезвычайных ассигнований на создание соответствующей армии — АБЗ (Армия по борьбе с загрязнением). Ее военнослужащие были оснащены самой современной экипировкой и оружием (без использования пороха), в частности арбалетами. Для борьбы с этой армией нефтедобывающие страны выставили сильные войска из нанятых солдат-наемников, получивших современное оружие (с использованием пороха).

«Нефтяная война» продолжалась три года и завершилась победой АБЗ благодаря численному перевесу войск и таланту нескольких военачальников, показавших себя тонкими стратегами.

Руководители потерпевших поражение нефтедобывающих стран были арестованы и брошены в заполненные нефтью цистерны, где и захлебнулись. «Вы любите нефть, так напейтесь же досыта», — заявил президент Нимрод.

Вслед за нефтедобывающими государствами на борьбу против законов о защите окружающей среды поднялись объединения автомобилистов. Вторая волна сопротивления началась с демонстраций, прошедших по центральным улицам всех крупных городов планеты под лозунгом «Мы любим наши машины». Водители-дальнобойщики, таксисты и мотоциклисты примкнули к акциям протеста.

Будучи прагматиком, президент Брюс Нимрод распорядился вслед за АБЗ создать ПБЗ (Полицию по борьбе с загрязнением), также укомплектованную значительным количеством служащих и спецсредствами.

Необходимость обеспечить выживание человечества как вида — этот аргумент был неопровержим в споре с любыми противниками новых преобразований.

Вслед за войной с другими странами вспыхнули войны гражданские: автомобилисты против ПБЗ.

Люди, использующие двигатели внутреннего сгорания, оказались еще более фанатичными, чем правители нефтедобывающих государств. Они не собирались добровольно отказываться от удовольствия делать «врррум-врррум», нажимая на педаль газа своей полноприводной машины с дизельным двигателем. Комитеты по защите прав автомобилистов попытались перекрыть основные транспортные артерии мира, но ПБЗ ликвидировала пробки, использовав тараны. Возникли мобильные группы вооруженных мотоциклистов — дымящие и рычащие своры сражались с полицией.

Они оказались грозным противником. В конце концов, чтобы положить им конец, пришлось создать подразделения кавалерии — Конную полицию по борьбе с загрязнением (КПБЗ). Схватки мотоциклистов, паливших из винтовок, с конными полицейскими, вооруженными арбалетами и пиками, выглядели чрезвычайно зрелищно, но достаточно быстро завершились победой правительственных сил — более многочисленных и лучше организованных.

Лошади могли передвигаться по любой местности и имели важное преимущество в сравнении с мотоциклами: у них никогда не заканчивался бензин.

Мятежные мотоциклисты и автомобилисты были казнены через повешение, а их тела послужили удобрением для муниципальных огородов.

Чтобы исключить искушение порычать мотором и подымить выхлопной трубой, все автомобили с двигателем внутреннего сгорания были утоплены на дне океанов. При этом некоторые непримиримые фетишисты так и остались сидеть, скорчившись за рулем своих драгоценных транспортных средств. Смерть они встретили, пристегнувшись ремнем безопасности к водительскому креслу.

Так человечество закрыло тему двигателей внутреннего сгорания.

И лишь курильщики, уже приученные к покорному молчанию серией законов по охране здоровья образца 2000-х годов, не подали и намек на готовность восстать. Они давным-давно отказались от борьбы.

Таким образом, проводимая президентом Нимродом политика по борьбе с загрязнением окружающей среды стоила жизни многим сотням тысяч человек. Но, по словам слепого президента, это была «маленькая жертва, необходимая для того, чтобы избежать гораздо большей катастрофы».

Итак, основная часть человечества, в конце концов, осознала смысл слов:

«Никто больше не может позволить себе загрязнять окружающую среду».

Заводы закрывались один за другим. Без бензина не работали станки. Отсутствие грузовиков и автомобилей заставило измениться экономику; сложились благоприятные условия для развития местных ремесел и торговли на небольших территориях. Воспользовавшись огромной популярностью, которую принесли ему победы над нефтедобывающими странами и мятежными автомобилистами, президент Нимрод пожелал еще более укрепить свое положение.

Вновь сославшись на необходимость обеспечить выживание человечества как биологического вида, президент принял решение закрыть все теплоэлектростанции (работавшие на нефтепродуктах или угле) и АЭС, а сразу же вслед за этим полностью и категорически запретить любую выработку и использование электроэнергии. Это стало шестым законом против загрязнения окружающей среды:

6. Запрет на использование электричества.

Как ни странно, но этот закон не вызвал серьезных протестов.

Слепота ничуть не уменьшала способностей президента Нимрода предвидеть ход событий. Он понимал, что, даже если введенные им принудительные меры по защите окружающей среды и обоснованны, люди не смогут полностью отказаться от привычной им высокотехнологичной среды обитания. И прежде всего нельзя было допустить, чтобы Брюса Нимрода стали считать сторонником возврата к Средневековью, в чем его регулярно обвиняли некоторые хулители. Чтобы прекратить подобные нападки, президент предложил оказать помощь промышленным предприятиям, чтобы те смогли адаптироваться к новым законодательным нормам, связанным с тотальным запретом на загрязнение окружающей среды. Был принят специальный план под кодом «ПВВ» («Поддержание внешнего вида»). Речь шла о сохранении современного образа жизни путем квазипромышленного (но, естественно, без ущерба для окружающей среды) производства эрзацев.

Лучшие конструкторы корпели над этой проблемой, настоящей квадратурой круга, — как выпускать экологически чистые предметы, максимально похожие на товары «грязного» промышленного производства.

Этот вызов понравился самым проникновенным и самым изобретательным исследователям.

Промышленники приспособились к изменившимся условиям производства — без бензина и электричества — и научились выпускать товары, по виду мало отличавшиеся от старых. Мировые автоконцерны предложили целую гамму новых транспортных средств, внешне абсолютно идентичных прежним, самым знаменитым моделям.

Пластик пришел на смену листовому железу: теперь кузов транспортного средства делали из разновидности стекловолокна, немного напоминавшего материал, который раньше шел на корпуса байдарок.

Двигатель внутреннего сгорания уступил место педальному приводу, цепи и переключателю скоростей — почти как в гоночном велосипеде.

Так что теперь «форд», «тойота», «фольксваген», а также «мерседес», «рено», «пежо», «фиат», «вольво», «сааб», БМВ или «хендай» приводились в движение педалями.

Даже «Роллс-Ройс», «Бентли», «Хаммер», «Ламборджини», «Джип» и «Мазератти» создали свои модели на педальном приводе. Все внесли соответствующие изменения в конструкцию транспортных средств, которые приобрели ультралегкий кузов, титановый шатун, пластиковые соединения узлов.

Кроме того, поскольку эксперты отметили, что кишечные газы, испускаемые коровами, овцами и свиньями, приводят к образованию значительного количества метана (газа, увеличивающего дыру в озоновом слое), президент Нимрод распорядился полностью и безоговорочно истребить все коровьи, овечьи и свиные стада, заменив мясо этих животных в рационе людей на протеины растительного происхождения или рыбу. Ушлым химикам удалось наладить производство эрзац-бифштексов или эрзац-ветчины из тофу, водорослей или грибов.

Так возник седьмой закон против загрязнения окружающей среды:

7. Не употреблять в пищу говядину, баранину и свинину.

Меня зовут Джером Толедано. Когда я гляжу в зеркало, то вижу высокого широкоплечего мужчину, с короткой стрижкой и квадратным подбородком. Из тех мужчин, которых никому не захочется задирать. Шрам на щеке дополняет картину, придавая мне пиратский вид (пусть и с одного бока), чем я весьма горжусь. Мой отец был солдатом в АБЗ, затем полицейским в ПБЗ. Одно время он даже служил в славной КПБЗ — Конной полиции по борьбе с загрязнением. Именно он и его соратники, вооруженные пиками и арбалетами, в ходе знаменитой битвы при Альбукерке в штате Нью-Мексико шли в кавалерийскую атаку против полчищ мотоциклистов из объединения «Ангелы Ада»^[2] — врагов окружающей среды, вооруженных револьверами. КПБЗ с огромным трудом удалось одержать победу, но мой отец пал на поле битвы, сраженный пулей в спину. Он стал легендой борцов с загрязнением планеты.

Естественно, я был принят в ОЮЗП, Общество юных защитников природы (эта организация идеально подходила для воспитания настоящего борца за экологию: курсы выживания в лесу, приветственный салют в честь знамени, получение навыков по удобрению почвы компостом, демонстрации, марши, субботники по очистке загрязненных зон, посадка деревьев), а затем в ПБЗ (я еле сдал вступительный экзамен: чуть не срезался на вопросе по циклу цветения одуванчика). Однако после пяти лет добросовестной и верной службы меня исключили из рядов ПБЗ из-за одного дурацкого инцидента.

В тот день я немного выпил и вел расследование спустя рукава. Дело было в Гарлеме — довольно опасном районе города. Я обошелся чересчур грубо с одним типом, которого подозревал в загрязнении окружающей среды путем использования бензопилы. Несколько затрещин — и он во всем сознался. По итогам моего расследования подозреваемого должны

были повесить. Но мне не повезло! Вмешалась жена этого парня и взяла всю вину на себя. Коллеги подали жалобу на мои слишком действенные методы работы, которые якобы могли бросить тень на ПБЗ. То, что я слыл среди сослуживцев здоровенной скотиной и алкоголиком, никак не способствовало тому, чтобы замять скандал. Так я на ровном месте получил выговор.

Позже я убил одного типа выстрелом из арбалета. Я подумал, что застал его за курением, а у него просто шел пар изо рта, потому что в тот день было холодно. На этот раз начальство распорядилось окончательно и бесповоротно распрощаться со мной...

Что ж, я оставил государственную службу и узнал тяжелые дни, период упадка, когда алкоголь был моим единственным утешителем. Однако друг моего отца, офицер элитной КПБЗ, сражавшийся вместе с ним под Альбукерке, в конце концов, убедил меня открыть частное детективное агентство, пообещав обеспечить клиентами.

Большая часть дел, которыми я занимался, была связана с взысканием долгов, промышленным шпионажем или семейными конфликтами. Этого вполне хватало, чтобы обеспечить себе комфортное существование. Я даже обзавелся «фордом мустангом» с откидным верхом (красного цвета, а по бокам изображения тигра, прыгающего вперед с оскаленной пастью) и небольшим офисом на Восьмой авеню.

Итак, я достаточно бойко вел свой «мустанг» по улицам Нью-Йорка, переключая по очереди восемнадцать скоростей. Воздух был чистым, хотя дело несколько портил неприятный запах от трупов, болтавшихся на деревьях.

Подъехав к зданию, в котором находился мой офис, я припарковался на стоянке возле других машин и привязал свой «форд» к специальному столбику. Если этого не сделать, ветер может поднять транспортное средство на несколько метров вверх, а потом швырнуть на землю. Такое с моим «мустангом» уже бывало, и на кузове появились трещины. Использование легковесных колесных средств связано с определенными неудобствами.

Я вошел в вестибюль, и меня приветствовал лакей в ливрее. Я вызвал лифт, чтобы добраться до офиса, расположенного на самой вершине 74-этажного небоскреба. Внизу команда одетых в шорты спортсменов, разбившись на группы внутри полого деревянного вала диаметром три метра, вращала его, бегая по ступенькам. Трос связывал этот вал с гигантским колесом, которое в свою очередь приводило в движение шкив, тянувший вверх кабинку лифта вместе с пассажирами.

Спортсмены взмокли от пота, но кабинка сравнительно легко поднялась к моему офису-пентхаузу на 74-м этаже. Еле заметный толчок на уровне 35-го этажа вызвал у меня улыбку: вероятно, у кого-то случились судороги или растяжение сухожилия.

Моя секретарша, Элизабет, уже была на месте. Легкий пушок у нее под носом постепенно превращался в настоящие усы, но никаких сомнений относительно ее пола возникнуть не могло: полушария ее груди настолько выдавались вперед, что иногда, двинувшись с места, она теряла равновесие.

Элизабет предложила мне чашечку кофе, который она только что разогрела на плитке, фокусирующей солнечные лучи на нагревательном элементе с помощью вогнутого зеркала.

— Вас ждут почтовые сообщения, — сообщила секретарша.

Я вышел на балкон.

Там, на перилах, в строгом порядке восседали птицы: воробьи, голуби и грифы.

Дрессированные воробьи переносили эсэмэски — краткие послания срочного характера. Я снял кольца с лапок птиц и быстро прочел записки. Это были поздравления с днем рождения.

«Я и забыл! Сегодня срок моего пребывания на этой планете увеличился еще на один год».

Я привязал к кольцам ответные эсэмэски с благодарностями и выпустил воробьев, одного за другим.

На лапках голубей красовались значительно более массивные кольца. К ним прикрепляли счета, рекламные проспекты и официальные документы.

Один из грифов притащил какой-то пакет. Я отцепил объемистый футляр, привязанный к его правой лапе. Внутри обнаружился подарок от матери — кобура для арбалета, которую она сшила своими руками, и маленький колчан для стрел.

Дорогая моя мамочка.

В прошлом году она подарила мне отцовский кинжал. А годом ранее — скляночку с ядом кураре, чтобы смазывать наконечники стрел. Кураре она нацедила собственными руками.

Я обвел взглядом небо и сделал глубокий вдох. Трудно поверить, что когда-то это привело бы к тому, что мои легкие оказались бы перенасыщены продуктами горения углеводородов. С высоты 74-го этажа я бы увидел, как над городом висит облако густого смога. Теперь же, благодаря жесткой политике Брюса Нимрода, все вокруг стало чистым и безопасным для здоровья. Дыры в озоновом слое над полюсами планеты перестали расширяться.

Я отпустил почтового грифа, и тот устремился прочь во весь дух, издав на прощание протяжный крик.

Небесную лазурь из конца в конец пересекали другие птицы-курьеры. На моих глазах сокол стремительно атаковал какого-то голубя. Вероятно, перехват почты. Этим занимались преступники нового типа — соколятники. Они надеялись обнаружить в почтовых кольцах чеки на предъявителя.

Над самыми высокими небоскребами Нью-Йорка я заметил летящий «Боинг-797». Учитывая время года, я предположил, что его пассажиры направлялись во Флориду.

Туристы достойны восхищения. Ведь, чтобы решиться провести отпуск подобным образом, нужно иметь сильные ноги и крепкое здоровье. Внешне современные «Боинги-797» ничем не отличались от старинных реактивных лайнеров, а высоту они держали благодаря подвешенным к их крыльям огромным шарам с гелием, но, чтобы заставить винты вращаться и перемещать летательный аппарат вперед, приходилось изо всех сил налегать на педали. А ведь лайнеру предстояло преодолеть тысячи километров, отделяющих нас от пляжей Майами. Путешествие занимало немало дней, а обстановка в салоне, как мне кажется, была достаточно напряженной, учитывая длительное пребывание в замкнутом пространстве, запах пота и усталые лица бортпроводниц, подававших воду, алкогольные напитки, витаминизированные пастилки, еду и мазь против растяжения связок и мышечных болей.

Говорят, такое путешествие полезно для сердца. И действительно, туристы прибывали к месту назначения вымотанными, но мускулистыми. Что же касается меня, я больше не ощущал в себе достаточно сил и терпения для физических упражнений подобного рода. Отпуск меня слишком утомлял.

Я вернулся в кабинет. Элизабет, с трудом поднявшись со своего внушительного кресла, знаком дала понять, что меня ожидает какой-то важный клиент.

У этого мужчины была величественная осанка, волосы с проседью, темно-зеленый пиджак, светло-зеленая рубашка и черный галстук.

— Джон Альварес. Работаю в метро, — произнес посетитель, протягивая мне визитную карточку с оттиснутой на ней аббревиатурой КНМ — Компании «Нью-йоркский метрополитен». — Я — директор департамента развития.

Я тут же представил себе пассажиров, которые каждый вечер крутят педали в переполненных вагонах. Так возвращаются домой те, кого называют каторжниками часа пик.

Я пожал протянутую мне широкую ладонь:

— Очень рад. Чем обязан удовольствию познакомиться с вами?

— У нас возникло одно маленькое неудобство. Судя по всему, наш главный конкурент, ОНА

— Общество «Нью-йоркские автобусы», — вот-вот введет в действие революционно новый вид общественного транспорта, который покончит с пробками и наладит сообщение между центром города и предместьями.

— Пока что не вижу абсолютно ничего предосудительного: это здоровая конкуренция в рамках одной отрасли экономики. О каком типе автобусов идет речь?

— Согласно информации, полученной из наших источников, они вроде бы изобрели средство, способное перемещать жителей спальных районов в центр мегаполиса очень быстро и без использования педального привода.

— Автобусы на парусной тяге? Автобусы на энергии заводной пружины? Автобусы, привязанные к тросу?

— Ни то, ни другое, ни третье. Они создали нечто гораздо более оригинальное — и окружили свое открытие строжайшей тайной. Конечно же, мы подозреваем их в применении двигателя внутреннего сгорания — на бензине или продуктах горения. И честно признаюсь, если вы застукаете их с поличным, это окажется очень полезным для нашего бизнеса. Мы будем вам очень... признательны.

Я назвал размеры признательности, и неприятно изумленный клиент сначала поморщился, но затем принял мои условия.

На следующий день после обеда я уже рылся в экспериментальных мастерских ОНА в неприметном уголке предместья Квинс.

На первый взгляд это были обычные постройки современного типа — выстроившиеся в линию офисные здания, за которыми находились ангары, битком набитые автобусами. Я принес с собой детектор продуктов горения и углеводородных газов и даже детектор солей азотной кислоты — на случай, если они используют какие-либо взрывчатые смеси.

Я прекрасно знал, что, если мне повезет, я их разоблачу и место, где находится их замечательная фабрика, вскоре превратится в обычный пустырь с цветущими (все-таки разгар весны!) деревьями, на ветвях которых будут покачиваться повешенные руководители предприятия.

Я искал какую-нибудь лабораторию, но главный секрет ОНА нашелся на открытом поле, за административными строениями.

Средство, изобретенное учеными компании для стремительного перемещения целых толп горожан без использования метро, автобусов или личного транспорта, представляло собой... катапульту!

Ни больше ни меньше.

Я следил за ходом экспериментов издали.

Механики готовили человека, которому предстояло взобраться на гигантскую катапульту, достигавшую в высоту не менее пяти метров. Она должна была швырнуть испытателя прямо в небеса. Человек должен был взлететь и, если я правильно понял то, что услышал с помощью трубки, усиливающей звук, приземлиться в специально оборудованной для этого точке.

Я продолжил поиски, заглянул в офисы ОНА — и выяснил, что его руководители действительно намеревались создать конкуренцию КНМ, разместив в центре и на окраинах города тысячи катапульт, способных запускать в воздух человека.

Я сунул свой нос в другие отделы и обнаружил то, что на первый взгляд казалось невероятным: чтобы изучить влияние ветра на траекторию свободного полета тел, перемещаемых на большие расстояния, конструкторы из ОНА обратились за содействием к профессиональным игрокам в гольф. Специалисты в области артиллерии помогали корректировать точность стрельбы.

Хоть я и считаю себя прогрессивно мыслящим человеком, но с трудом мог представить себе, как по утрам в часы пик тысячи катапульта будут выбрасывать в сторону центра города миллионы жителей спальных районов с кейсами в руках. Еще труднее оказалось вообразить вечера, и те же часы пик, и те же миллионы служащих, летящих по воздуху и приземляющихся в предместьях. Однако в образе этих толп, перемещающихся по небесам, было что-то прекрасное. Напоминающее вспышку фейерверка или бутон, внезапно превращающийся в цветок.

Катапульти для жителей пригородов...

У кого только могла возникнуть столь несуразная идея?

Именно в этот момент я и наткнулся на уборщицу, которая, едва завидев меня, принялась вопить что было мочи.

Тут же откуда-то выскочила группа охранников.

Первого из них я встретил хуком справа, второму от души врезал по печени левой ногой, после чего кинулся прочь во весь опор, прежде чем третий успел хоть что-нибудь понять.

Я бежал.

За спиной пытели преследователи, а впереди несколько работников технических служб пытались преградить мне путь своими швабрами. Однако они не учли мой рост и вес, помноженный на набранную скорость. Я врезался в них, как шар для боулинга — в кегли.

Тревога была объявлена, и преследователей становилось все больше. Нужно было любой ценой найти средство выбраться оттуда. Повинуясь внезапному велению интуиции, я бросился на экспериментальное поле.

Возле катапульти несколько типов в белых халатах снаряжали «подопытного кролика», который уже сидел в кресле на взведенной штанге механизма.

Эффект внезапности сослужил мне хорошую службу, все получилось само собой. Оставалось лишь одной рукой отшвырнуть начинающего «катапультиста» — молодого человека в каске и непромокаемой куртке, сильно сковывавшей его движения, а другой — растолкать конструкторов. Те скрупулезно записывали какие-то цифры и что-то подсчитывали на счетах.

Кресло пассажира показалось мягким на ощупь. И прежде чем кто-либо успел помешать мне, я выхватил отцовский кинжал (который подарила мне мать, а юные защитники природы окрестили «Эскалибуром») и перерезал канат, удерживавший штангу катапульти во взведенном состоянии.

То, что произошло следом, вполне может быть названо сильным ощущением.

Новое и захватывающее удовольствие.

Я летел.

После того как меня с огромной силой швырнуло в небеса, я получил возможность стать ближе не только к голубям, переносившим почтовую корреспонденцию, но также к облакам и даже к авиалайнеру с крутящимися пропеллерами, двигавшемуся на малой высоте.

Ветер хлестал меня по лицу.

Я вдруг понял, почему пилот катапульти, место которого я занял, надел анорак. Наверху было по-настоящему холодно, морозный воздух ощутимо покалывал кожу. Возникло ощущение, что путешествие длится уже очень долго. В какой-то момент я почувствовал почти непреодолимое желание раскинуть руки в стороны и посмотреть, не получится ли планировать с их помощью, но тут мое тело достигло наивысшей точки траектории, и подъем замедлился.

На протяжении нескольких секунд мне казалось, что я неподвижно завис в воздухе в сотне метров над поверхностью планеты.

Конечно, я мог бы восхищаться видом, открывшимся с высоты, но тут уже было не до обзора достопримечательностей: пиковая часть траектории подошла к концу. Начиналась вторая фаза полета, которая должна была заинтересовать меня гораздо больше, — падение.

То, что при движении вверх казалось изящной кривой, теперь очень быстро превратилось в крутой спуск.

И только в эту секунду я задал сам себе достаточно тупой вопрос, которым следовало бы озаботиться либо гораздо раньше, либо вообще никогда: *«Кстати, а почему это у меня нет парашюта?»*

Поверхность планеты вместе с целым городом Нью-Йорк устремилась мне навстречу как теннисная ракетка, приближающаяся к зависшему в воздухе мячу.

Все бы ничего, если бы этим мячом не был я сам.

Здания надвигались с бешеной скоростью, напоминая жуткие зубы, готовые раздробить мое тело.

Вот, наконец, я разглядел в самом низу команду ученых, рассредоточившихся возле круглой мишени, покрытой красно-белыми концентрическими кругами.

Я съехался, принимая позу зародыша, и закрыл глаза, приготовившись к удару.

Но затем, охваченный неожиданным сомнением, вновь открыл их и вытянул ноги вперед.

И правильно сделал. Я тут же врезался в центр податливого круга, прогнувшегося под моими ногами.

«Батут. Они приземляются на батут!»

Я глубоко погрузился в недра эластичного материала, затем подскочил вверх и вновь провалился. Постепенно замедляясь, этот процесс повторился несколько раз, после чего движение наконец прекратилось.

«Черт возьми! Меня успешно катапультировали из Квинса в Манхэттен! Десятки километров преодолены за считанные секунды!»

К счастью, ученые, дежурившие в точке приземления, ничего не знали о смене «подопытного кролика».

Они были весьма удивлены отсутствием на мне экипировки. Воспользовавшись этим, я растолкал окруживших меня людей и ринулся в сторону нью-йоркских улиц. Впрочем, группа агентов безопасности ОНА тут же устремилась в погоню за мной.

Я тормознул такси, раскрашенное черно-желтыми полосками, схватил водителя за шиворот и выбросил его из транспортного средства. Заняв место незадачливого таксиста, я включил первую скорость.

«Кадиллак-линкольн» с весьма слабой подвеской. Ясное дело, я бы предпочел мой «мустанг», поскольку агенты ОНА прыгнули в свой болид и гнались за мной по пятам.

Я переключился на вторую скорость, но эти два типа в «пontiаке» славно налегали на педали. Еще бы, ведь это не ими только что выстрелили из катапульты.

Они развили скорость почти 40 километров в час, тогда как указатель на моем счетчике едва подполз к отметке 35.

Я переключил сцепление и прибавил оборотов.

45 километров в час.

Они настигали меня.

Еще один щелчок переключателя скоростей. Большой диск у педалей. Маленькая звездочка у колеса.

60 километров в час.

Трудно ехать быстрее. Я отдувался и пыхтел.

Пролетая перекресток на красный свет, я едва не врезался в грузовик и от всей души пожелал, чтобы моим преследователям не удалось с ним разминуться. Но они также избежали столкновения.

В конце концов, они обогнали и подсекли меня.

Мое такси поднялось в воздух, несколько раз перевернулось, и я вместе с ним, крепко привязанный ремнем безопасности. «Кадиллак» сшиб какого-то пешехода, но не причинил ему большого вреда.

Я легко выбрался из-под пластикового кузова. В этом преимущество экологичных транспортных средств — вы никогда не окажетесь внутри груды искореженного металла и не превратитесь в лепешку.

Двое агентов ОНА уже наступали с самым угрожающим видом.

Кровь струилась у меня изо рта, но рефлексy не пострадали. Я оторвал крыло от такси и воспользовался им, чтобы уложить первого из нападавших. Второй набросился на меня и нанес молниеносный удар под ребра, сразу же сбив дыхание. Упав на землю, я наблюдал, как его кулаки опускаются на мое лицо. Стоило чудом уцелеть после полета в роли ядра для катапульты, чтобы позволить убить себя посреди улицы!

Я был оглушен, в ушах звенело, однако прилив адреналина придал мне сил: оторвав бампер от такси, я вдребезги разбил его о голову противника. Тот получил по заслугам.

«Не нужно было нарываться».

В офис я решил вернуться на метро. Крутить педали в толпе себе подобных — в этом было нечто успокаивающее после той гонки, в которой я только что принимал участие.

Лифт. 74-й этаж. Элизабет сделала мне знак, каким обычно обмениваются заговорщики, и прошептала на ухо:

— Он уже два часа здесь сидит. Сказал, что обязательно должен вас дождаться.

Продолжая говорить и нисколько не меняясь в лице, она достала вату, бинты, бактерицидные средства и тут же обработала мои раны. Помогла снять окровавленную рубашку и подала новую.

Джон Альварес, директор департамента развития КНМ, действительно ждал меня в кабинете.

Я рассказал ему, как прошел день, и объяснил, что, даже если его конкуренты со своими катапультами и сумеют занять определенную нишу на рынке перевозок на короткие дистанции, катапультировать жителей предместий в центр города у них вряд ли получится. Слишком велик риск отклониться от заданной траектории под воздействием ветра. А это приведет к фатальным последствиям — столкновению со стеной какого-либо здания. Или падению в гущу транспортных средств.

— Не говоря уже о том, что такие «сбившиеся с курса» пассажиры вполне могут свалиться на голову какому-нибудь пешеходу. Да они просто посыплются с неба, как град!

— Вы в этом уверены? — удивленно спросил Джон Альварес.

— Я лично испытал катапульту. Батут в точке приземления широк, но давайте представим, что сильный порыв ветра изменил мой курс, — все, я разбиваюсь насмерть. Погодный фактор невозможно взять под контроль, так что у изобретенного средства передвижения нет никакого будущего.

Джон Альварес нахмурился. Он не собирался относиться к делу легкомысленно.

Клиент протянул мне чек, но в тот момент, когда я собирался его взять, отдернул руку:

— Я заплачу вдвое больше, если... Он запнулся, смутившись.

— Если что? — настаивал я.

— Если вы саботируете работу их катапульты в день официальной презентации. Я хочу быть уверенным в том, что испытатель «отклонится от курса», как вы и рассказывали. Полагаю, что труп, размазанный по фасаду, должен стать достаточно убедительным аргументом, и мы выиграем время, чтобы запустить в производство... собственные «особо безопасные» катапульты.

Удивленный тем, что мой рассказ так и не внушил клиенту отвращения к катапультам и батутам, я ответил, что профессиональная этика и личные принципы запрещают мне заниматься подобными делами. Я настаивал на следующем: чтобы дожидаться краха конкурирующего проекта, следует просто довериться естественным воздушным потокам и капризам ветров. Как я надеялся, ставки тут же стали расти. В конце концов, профессиональная этика и личные принципы потупили взор, и мы с ними с удовольствием услышали об утروении первоначальной суммы. Клиент вручил мне половину, а остальное я должен был получить после «несчастливого случая» во время официальной презентации, которая должна была состояться через три месяца. После того как посетитель ушел, Элизабет встала, утирая взмокший лоб. Жара сделала выпуклости под её белой блузкой очень четкими. Секретарша принесла мне стакан виски, смешанного с несколькими капельками ее пота.

— Думаю, это пойдет вам на пользу, — заявила она.

Вот что я больше всего ценю в Элизабет — способность произносить обыденные фразы в самый необычный момент.

Я включил вентилятор с большими лопастями, который приводила в движение белка, бегущая внутри колеса. Достаточно было опустить сеточку с семенами подсолнечника, как белка, увидев перед собой еду, бросалась вперед, чтобы ее схватить. Колесо поворачивалось, и вентилятор начинал вращаться.

— Вам не кажется, что становится все жарче и жарче? — поинтересовалась Элизабет, расстегивая еще одну пуговицу на блузке, что позволило мне бросить взгляд вниз — на два гладких и лоснящихся шара ее груди. — Я спрашиваю себя: а не продолжает ли увеличиваться дыра в озоновом слое, несмотря на все меры предосторожности. Что вы думаете об этом, месье Толедано?

— Я очень вас люблю, Элизабет, — ответил я сразу на оба ее вопроса.

Услышав комплимент, она зарделась.

Я взглянул на свои солнечные часы. Полоска тени на циферблате указывала на 17 часов, и я решил, что на сегодня уже достаточно поработал.

Лифт работал на спуск быстрее, чем на подъем. Я помахал спортсменам, бегущим в полом барабане на цокольном этаже, прошел на парковку и открыл замок, удерживавший на месте мой «форд-мустанг».

Возвращаясь домой, я видел, как работники дорожных служб снимали с ветвей особо разложившиеся трупы повешенных. Должно быть, жители окрестных домов пожаловались на обилие мух.

За несколько перекрестков до дома, на пересечении Пятой и Сорок третьей авеню, я попал в пробку, причиной которой была телевизионная бригада. Или, точнее, выпуск вечерних новостей. Посреди площади была установлена сцена в форме прямоугольного экрана. На ней сидел какой-то журналист и читал новости:

— Президент Нимрод объявил, что дыра в озоновом слое продолжает увеличиваться. В связи с этим меры по борьбе с загрязнением окружающей среды примут еще более радикальный характер.

За спиной ведущего актеры мимикой и жестами изображали сцены из выпуска: убийства, войны, несчастные случаи, свадьбы, спортивные состязания. Программу завершал прогноз погоды, который разыгрывали гримасничающие артисты в костюмах солнца и облаков.

Такие же театры-телевизоры в эту же самую минуту передавали те же самые новости почти по всему городу.

Добравшись наконец до дома, я рухнул в кресло и повесил кусочек сыра перед мышью, чтобы включить проигрыватель и послушать кусочек старого доброго джаза. Я очень любил эту

музыку.

Джаз...

Некогда он, вероятно, вызывал желание курить и заниматься любовью. Ведь само слово «джаз» на сленге означало «любовь». Впрочем, у меня джаз неизменно вызывал желание пить.

Закрыв глаза, я мысленно представил себя в роли парящей птицы... Ведь как бы то ни было, мною совсем недавно выстрелили из катапульты, и я пролетел от Квинса до Манхэттена!

Раздался стук в дверь.

За стеклянной створкой я разглядел чей-то стройный силуэт.

— Умоляю, помогите! Без вас я пропала, — вполголоса проговорила незнакомка.

Не раздумывая, я позволил ей войти и предложил свое кресло.

Это была сногшибательная женщина.

Черный костюм, подогнанный точно по росту, короткая юбка, несколько не скрывавшая длинных ног в чулках в сеточку и туфлях на высоких каблуках. Губы, накрашенные вызывающе красной помадой, и брови, подведенные карандашом.

Она была сама элегантность, что крайне редко встречается у современных девушек. Их скорее можно отнести к стилю хиппи, тогда как моя гостья полностью соответствовала джазовой музыке, которую медленно выталкивал из себя мой проигрыватель или, если точнее, донельзя уставшая, но по-прежнему стремящаяся добраться до сыра мышь. Посмотрев на выпученные глаза грызуна, я испугался, что тот не выдержит даже до конца отрывка «Fever»^[3].

Женщина поправила прическу. Я налил гостье рюмку виски, и она выпила маленькими нервными глотками.

Незнакомка кратко объяснила, что ее отец в прошлом принадлежал к группировке «Ангелы Ада» и ему до сих пор так и не удалось порвать со страстью к мотоциклам на бензиновом двигателе.

— Он вскоре будет повешен, — вздохнул я с мрачной уверенностью. — И это совершенно правильно. Мой отец был убит в бою с отрядом «Ангелов Ада». Я ненавижу их.

— Нет, его не повесят. Потому что вы спасете его.

— Я не могу. Меры по борьбе с загрязнением окружающей среды только что вновь ужесточены и...

— Я всего лишь прошу вас образумить отца, пока еще не слишком поздно. И заплачу вам за молчание.

Музыка неожиданно прекратилась. Вероятно мышь в проигрывателе умерла от инфаркта. Я отправился на кухню за новым грызуном (их называют батарейками и утилизируют в цветочных горшках — все ради заботы об экологии) и поместил его в аппарат. Зазвучала композиция «Stormy weather»^[4].

— Почему я? — Разговор продолжился.

— Мой брат сказал, что вы лучший. Он работает директором департамента в КНМ.

— Вы — сестра Джона Альвареса? Я виделся с ним всего несколько минут назад. Он никак не мог рассказать вам о завершении нашего дела.

Она сомкнула и разомкнула длинные ресницы:

— Он сказал, что вы благородный человек и работаете с потрясающей эффективностью.

— Я действительно успешно решил его «небольшую проблему».

— Он навел справки, прежде чем обратиться к вам. Он заверил меня, что редко встречал настолько честного и высоконравственного человека.

— Лесть на меня не действует. Кстати, где вы раздобыли мой домашний адрес?

— Я следила за вами, — призналась она. — Я не хотела приходить к вам как официальная клиентка.

Я, частный детектив, естественно, почувствовал досаду из-за того, что не обнаружил слежку. Меня вели как новичка — и кто? Какая-то женщина, а я даже не сумел ее засечь. Гостья тем временем приблизилась и прижалась ко мне грудью:

— Умоляю, помогите. Спасите моего отца.

Я заколебался. Она воспользовалась моим замешательством, чтобы впиться в меня губами и поцеловать с ненасытной страстью.

— Поверьте, я буду вечно вам признательна.

Джаз заиграл медленнее: мышь отвлеклась, пораженная поведением моей гостьи.

— Меня зовут Сабрина Альварес, — выпалила она на одном дыхании. — Я всего лишь скромная актриса театра новостей, но я отдам вам все, что у меня есть.

Теперь я понял, почему на ней такой нелепый наряд. Актриса! Эта несчастная вынуждена каждый вечер изображать на уличных подмостках драмы, происходящие в нашем мире.

— Месье Толедано, если вы откажетесь, у меня не останется никакой надежды. Мой отец безумен. Совершенно безумен. Но он не злой человек. Нужно всего лишь поговорить с ним, убедить его.

В уголке ее глаза показалась слеза и, смешавшись с тушью для ресниц, прочертила на щеке длинную темную дорожку.

— Кажется, вы ранены, — прошептала девушка, запуская руку под мою наполовину расстегнутую рубашку и поглаживая волосы на моей груди где-то около сердца.

Я не очень хорошо помню, что произошло потом, но мы занимались любовью. И редко когда еще в моей жизни я ощущал такую уверенность в том, что совершаю глупость. Огромную глупость.

На следующий день мы отправились в путь.

Мы долго ехали на запад, и вот я припарковал свой красный 18-скоростной «форд-мустанг» возле небольшого дома, уединенно стоящего в отдаленном предместье.

Было очень жарко. После многочасового верчения педалей на автобане очень хотелось пить. Моя пассажирка также обливалась потом. Надо сказать, пикантный наряд, который она надела, дабы убедить меня помочь ей, на самом деле совсем не подходил для условий более... спортивных. В итоге ей пришлось кое-где порвать свою одежду. Вместе с тем зрелище ее роскошного тела стало для меня дополнительной мотивацией к ведению расследования.

Дом казался нежилым.

— Папа! Папа!

Никто не ответил. Но едва я приблизился к задней части строения, как меня поразили незнакомые шум и запах.

— Не может быть!..

Я бросился вперед. Моим глазам предстало необычайное зрелище.

Невысокий старик с длинной седеющей бородой и носом, напоминающим нос самолета, в кожаном шлеме и круглых очках со стеклами из сиреневой слюды, восседал на двухколесном механизме. Такие устройства я до сих пор видел лишь на фотографиях и иллюстрациях к романам в жанре «хоррор».

Настоящий мотоцикл!

Длинные волосы старика выбивались из-под кожаного шлема. Из динамиков мотоцикла — без какого-либо грызуна внутри — доносилась песня «Born to be wild»^[5].

На его воротнике блестело несколько металлических блях. Точно так же сияли окованные железом носки его сапог, заклепки на кожаной куртке, татуировки и пирсинг. Он выписывал круг за кругом по покрытой чем-то вроде смолы кольцевой трассе, которая, судя по всему, и

была устроена специально для этого.

Когда старик нас заметил, он наконец соблаговолит остановить свой дымящий и сверкающий агрегат прямо рядом с нами. Затем поднял на лоб свои сиреневые очки, об которые всмятку разбилось множество несчастных мошек, и указал на дьявольский аппарат:

— Ну что, обалдели, а? «Харлей — Дэвидсон», модель «фантом»! 1852 кубических сантиметра, два карбюратора, двигатель с впрыском топлива, дисковые тормоза с поршневой скобой! Впечатляет, а?

— Папа, о папочка, я так испугалась! Я думала, что больше тебя не увижу!

Старик с подозрением посмотрел на меня:

— А это еще кто?

— Послушай, папа, я привела этого человека, чтобы он поговорил с тобой. Ты больше не можешь так жить! Это слишком опасно.

Старик, который был похож на косматую лисицу, бросил в мою сторону взгляд, полный сомнений:

— Очередной муж? Правильно сделала, что бросила предыдущего: он был коротышкой. Я верю в широкоплечих парней со шрамами на лице.

— Джереми Толедано — частный детектив. Только он сможет помочь нам, если возникнут неприятности, потому что знает, как работает полиция. Раньше он служил в ПБЗ.

— В ПБЗ? А, ну да! В «Придурках и Бедных Занудах»?

Он наконец отключил контакт. Мотор перестал грохотать и изрыгать дым. Старик ловко спрыгнул с мотоцикла, как с боевого коня. Он направился ко мне и на ходу совершил чудовищный поступок. Вытащил сигару из кожаного футляра и принялся с упоением дымить ею.

— Нет, папа! Только не это!

— Плевать! Лучше сдохнуть от рака легких, чем отказывать себе в маленьких удовольствиях. Я стар. Они перевешали всех моих приятелей — курильщиков и байкеров, и я буду последним.

Я понял, что обязан вмешаться:

— Господин Альварес, проявите благоразумие! Дыра в озоновом слое достигла критических размеров. Вы наверняка слышали президента Брюса Нимрода: важен каждый кубический метр. Все может рухнуть даже из-за небольшого выброса загрязняющих веществ.

— Все рухнет? Мне плевать. Человечество может катиться к черту, пока я получаю удовольствие от моего «харлея» и сигары «Ромео и Джульетта».

— Видишь, это нелегко! — вздохнула Сабрина Альварес. — Прощу тебя, спаси моего отца. Он не понимает, что делает.

У меня мелькнуло желание отправить экстренный вызов в полицию, освободив одного из смс-воробьев, которых я держал у себя в машине, но Сабрина казалась настолько взволнованной, что это остановило меня.

— Это... хм... преступник, загрязняющий окружающую среду, — заявил я.

— Это мой отец, — ответила она.

— Он увеличивает дыру в озоновом слое!

— Он как ребенок!

— То, что он делает, может спровоцировать конец света.

— Он не отвечает за свои поступки.

— Мой гражданский долг — заявить о нем властям. Если я этого не сделаю, то стану соучастником преступления и моя жизнь окажется под угрозой.

Она подошла ко мне так близко, что я почувствовал запах ее духов.

— Мне очень жаль, Сабрина. Думаю, ты просто не понимаешь, какую катастрофу может

вызвать этот человек.

— Я понимаю, что такой мужчина, как ты, может сделать для такой женщины, как я.

Она посмотрела на меня, и я увидел вызов в ее глазах.

— Я должен сообщить о нем куда следует.

— Ты должен спасти его.

— За каждого разоблаченного врага окружающей среды обещают заплатить десять тысяч.

— Я обещаю тебе особую награду: десять тысяч поцелуев.

Старик, усмехаясь, слушал нас, будто все это его не касалось. Казалось, он занят только своей сигарой и наслаждением, которое получал от нее. Внезапно, словно ему в голову вдруг пришла какая-то идея, он ринулся к холодильнику, вытащил холодный бифштекс и с аппетитом сожрал его прямо у меня на глазах. Из куска, который он ел, тек кровавый сок, и это не оставляло ни малейших сомнений: это был вовсе не соевый паштет. Это был кусок, отрезанный от трупа быка. Старик одновременно жевал мясо, курил и пил.

— О'кей, — сказал он с набитым ртом, тыча гаванской сигарой мне в грудь. — Я согласен закопать мой «Харлей — Дэвидсон», запас бифштексов и коробку сигар. Но при одном условии.

— Слушаю вас.

— Я хочу, чтобы молодой представитель нового поколения узнал, какое счастье сжимать ногами ревуший «Харлей — Дэвидсон» марки «фантом» с двигателем объемом 1200 кубических сантиметров.

— Как это понимать?

— Я имею в виду вас.

— Но это запрещено!

— Это условие, выполнение которого обеспечит восстановление порядка. Поверь, когда этот приятель между бедрами, ощущения круче, чем когда ты с женщиной! Хо-хо!

Я сделал шаг назад.

— Чего вы боитесь? Узнать, каково это, или нанести вред окружающей среде?

В этот момент Сабрина крепко прижалась ко мне:

— Умоляю, сделай, что он велит, — и все закончится. Я хорошо тебе заплачу. И потом, дракон ждет тебя.

Дракон...

Перед моим мысленным взором вспыхнули все безумные картины прошедшей ночи. Когда я раздел Сабрину, то увидел татуировку у нее на спине — дракон в окружении обнаженных женщин посреди сада, полного экзотических цветов. Она сказала мне: «Это экран, и в самый жаркий момент действия вы будете наслаждаться еще и произведением искусства». И занимаясь с ней любовью, я поймал себя на том, что разглядываю мельчайшие детали роскошной татуировки на ее нежной коже.

— О'кей, — сказал я, — но только один круг. А потом мы уничтожим все улики. Включая бифштексы.

Пожилой «Ангел Ада» передал мне черную куртку и включил автомагнитолу. Он сказал, что это саундтрек к легендарному фильму «Беспечный ездок». Потом он протянул мне шлем и воткнул в зубы сигару, которую тут же поджег. Я кашлял, сосредоточив все внимание на двухколесном механизме.

Сабрина Альварес подбадривала меня жестами, а ее отец был в полном восторге от того, что я согласился хотя бы попробовать.

Он объяснил мне, как трогаться с места, тормозить и переключать скорости. Сначала я двигался потихоньку, учась удерживать мотоцикл, чтобы он ехал, куда мне надо. «Харлей — Дэвидсон» производил чудовищно много шума и дыма, дымила и моя сигара. Однако я

почувствовал, как внутри меня возникает некое новое ощущение. После первого круга мне захотелось сделать второй, затем третий. Я переключал скорости, заставляя механического монстра реветь еще громче.

Спидометр показывал 110, 120, 150, 170, 190 и вскоре 200 километров. А затем на нем появились совершенно безумные цифры: 220 километров в час!

Я вновь испытал, теперь в горизонтальной плоскости, те же ощущения, которые пережил при движении по вертикали во время падения после выстрела из катапульты. С той лишь разницей, что на этот раз я мог управлять продолжительностью действия.

Я прибавил ходу, в восторге от того, как мотоцикл встает на заднее колесо, и поймал себя на том, что смеюсь, а моя рука увеличивает громкость автомагнитолы, из которой теперь несутся рев группы «Van Hallen», исполнявшей «Eruption»^[6], хард-рок в стиле семидесятых.

Альварес-старший, судя по всему, был счастлив видеть, как я предаюсь его излюбленным порокам. Время шло, но я этого не замечал. Композиции в стиле хард-рок звучали одна за другой.

Гроза грянула в тот момент, когда я слушал «Thunder»^[7] группы «AC/DC». Я еще поехал под дождем, под раскаты грома и узнал удовольствие, доступное моим предкам, — извращенное наслаждение «добровольно» загрязнять окружающую среду.

Когда топливный бак опустел, Альварес взялся наполнить его снова. Он предложил мне другую сигару, и на этот раз я сумел вдохнуть дым не закашлявшись и понять смысл загрязнения легких.

Я продолжал кататься. Долго. Потеряв всякое представление о времени.

Из-за грома ли или из-за рева динамиков, но я не услышал, как полицейские вопили в рупор: «Немедленно остановите эту чудовищную машину!» Множество людей в униформе окружили меня и взяли на мушку, приготовившись по команде разрядить арбалеты. А я все еще сжимал зубами дымящуюся сигару. Пятую по счету.

Все, что я смог сказать в свое объяснение, было:

— Я понимаю, что обстоятельства свидетельствует против меня, но на самом деле все не так, как вы думаете.

Сабрина Альварес и ее отец безмолвствовали. И даже почему-то выглядели совершенно спокойными.

И вдруг я понял.

Зная, что полиция вот-вот явится за ним, отец попросил дочь соблазнить меня, чтобы свалить всю вину на незадачливого частного детектива. Для этого в нужный момент я должен был сидеть на мотоцикле.

— Это он, — просто сказала Сабрина, указав на меня.

Я колебался лишь долю секунды. Мотоцикл ринулся вперед, и, воспользовавшись пригорком как трамплином, я верхом на ревущем и чихающем механизме взмыл над полицейскими.

И вот всадники из КПБЗ уже пришпоривают своих боевых скакунов, чтобы броситься за мной в погоню.

Я пригнул голову. Арбалетные болты замелькали вокруг меня, со свистом вспарывая воздух. Мотоцикл был ниже, чем лошадь, и я благополучно проскочил под нижними ветвями деревьев. Я выехал на автобан, а полицейские по борьбе с загрязнением неслись галопом далеко позади.

В футляре на боку мотоцикла я совершенно случайно наткнулся на старый маузер. Я принялся палить в ближайшего кавалериста. Следом за выстрелом раздавался звук падения гильзы. А вот отдача у огнестрельного оружия оказалась гораздо сильнее, чем у арбалета, и мне пришлось крепко сжимать рукоять пистолета, чтобы компенсировать этот эффект.

На ровных участках автобана у меня было преимущество перед преследователями, но как только на дороге появлялись рытвины и места, занесенные песком, в выигрышном положении сразу же оказывались кавалеристы.

В момент секундного прозрения я осознал, что вооружен устройством, основанным на порохе, то есть взрывчатом веществе, и более того — стреляю из него в полицейских, борющихся против загрязнения окружающей среды. Круг замкнулся. Из-за женщины вся моя жизнь оказалась вывернутой наизнанку.

Папа, прости меня. Сам не знаю, как я ухитрился вляпаться во все это.

Лампочка указателя уровня бензина замигала, моя грохочущая и дымящая машина сначала закашлялась, а затем смолкла. Я спрыгнул со ставшего бесполезным механизма и прицелился в нескольких полицейских, в одного за другим, но пистолет лишь щелкал пустой обоймой. И когда я начал работать кулаками, то повторял слова, которые звучали теперь абсолютно бессмысленно:

— Видимые обстоятельства иногда могут обманывать нас, но на самом деле все совсем не так, как вы думаете.

Они скрутили меня, опутав сетями, как при поимке опасных хищников. Затем отлупили полицейскими дубинками. Думаю, они хотели убить меня, но чудовищное преступление, которое я совершил, должно быть, показалось интересным дежурному офицеру. Он решил, что случившееся — уникальная возможность преподать остальным хороший урок.

Я предстал перед судом. Сабрина и ее отец выступали свидетелями со стороны обвинения. Они утверждали, что сделали все возможное, чтобы убедить меня не залезать на смертоносный механизм, но я, дескать, был одурманен удовольствием, которое получал от загрязнения окружающей среды.

Полицейские подтвердили, что обнаружили меня в тот момент, когда я как безумный давил на газ «харлея», находясь во власти галлюцинаций и вдыхая дым сигары. Они также напомнили судье, что при попытке ареста я обратился в бегство и стрелял в них из револьвера.

«Черт возьми! Эта женщина поимела меня, как желторотого новичка».

Свидетельских показаний моей секретарши Элизабет и моей матери — они утверждали, что всю свою жизнь я был образцовым борцом против загрязнения окружающей среды, сортировал мусор и утилизировал продукты своей жизнедеятельности, — оказалось недостаточно, чтобы повлиять на решение судьи. Ведь все это происходило в самый разгар процесса по ужесточению законодательных норм.

Меня поместили в тюрьму для особо опасных преступников.

Накануне казни мне нанес визит сам президент Брюс Нимрод. Он явился в камеру в сопровождении ассистентки, которая указывала ему дорогу. На слепце были синий костюм, синяя рубашка и синий галстук. Помощница усадила его ко мне лицом.

— Видите ли, господин Толедано, я хорошо знал вашего отца, — произнес президент. — Это был великий борец против загрязнения. Мне рассказали о том, какой героизм он проявил в битве под Альбукерке. Лично я считаю, что это сражение оказалось решающим моментом в нашей борьбе за выживание планеты. Если бы под Альбукерке мы потерпели поражение... — он помолчал, — в мире воцарились бы те, кто загрязняет окружающую среду. Люди превратились бы в эгоистов, которые думают только о собственном маленьком удовольствии в ущерб всему человечеству. Вы не знаете, как было раньше... Люди покупали продукты в громоздкой пластиковой упаковке, которую они тут же выбрасывали. Они управляли полноприводными автомобилями с дизельным двигателем, и в каждой такой огромной машине сидело всего по одному человеку. Заправленные очищенным керосином самолеты повсюду распространяли

токсичный дым, прожигавший дыры в облаках...

Казалось, он напряженно вглядывается в меня своими голубыми глазами.

— Раньше почтовые ящики ломались от рекламных проспектов. Бумагу расходовали не глядя. Пластик расходовали не считая. Целые леса изводили на рамки для картин или одноразовые платки. Воздух, вода, почва — люди загрязнили все ради удовлетворения своих мелких желаний. Мало кто сознавал, что творит.

Президент умолк, словно предоставляя мне возможность обдумать услышанное.

— Говорят, вы ехали на мотоцикле, с сигарой и пистолетом. На «Харлей — Дэвидсон», насколько я знаю. На любимом мотоцикле «Ангелов Ада». Понимаете ли вы, что они были нашими врагами — врагами вашего отца и моими? Худшими из всех. Это они убили его под Альбукерке. Пулей из огнестрельного оружия в спину. Загрязнять окружающую среду свойственно трусливым, подлым и равнодушным душонкам. А ваш отец был замечательным человеком. Хоть это вы понимаете?

— Да, — ответил я.

Он покачал головой и вздохнул:

— Временами я спрашиваю себя, не напрасно ли все, что я делаю. Ведь стремление получить удовольствие немедленно всегда будет сильнее голоса совести. Людей не останавливает даже страх, что их собственным детям нечем будет дышать.

— Нет, то, что вы делаете, важно.

— И это говорите мне вы? Судя по всему, отпрыски правителей нефтедобывающих стран готовят серию покушений с целью вернуть себе удовольствие ездить на машинах с бензиновым двигателем. Мне едва-едва удалось помешать лишь одному из таких планов. И вот теперь вы...

— Я очень сожалею, — прошептал я.

Он вновь покачал головой, а его слепые глаза по-прежнему смотрели куда-то вдаль. Даже его лицо больше не было обращено ко мне.

— Как президент ООН, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Он грустно улыбнулся и протянул руку в мою сторону.

Не зная толком, как поступить, я пожал ее, но он ожидал от меня вовсе не этого. В конце концов я понял, что он хочет дотронуться до моего лица.

— Там, на мотоцикле... вы узнали, что такое скорость, не так ли?

— Это было совершенно опьяняющее чувство...

— Вам казалось, что сама смерть вам не страшна?

— Мне казалось, что я... летел.

Президент снова кивнул, на этот раз с пониманием:

— Скоро весь мир узнает это чувство. Завтра я торжественно объявлю о появлении нового вида транспорта. О катапульте. Надеюсь, легкое опьянение от пользования им сможет сравниться с головокружением, возникающим от быстрой езды на мотоцикле.

— Я в этом уверен, — ответил я.

Он провел рукой по моему лицу, будто желая составить представление о моем облике. Затем сделал знак ассистентке, чтобы та вывела его из камеры.

Казнь через повешение проходила в уютном сквере во дворе моего дома. Лучи утреннего солнца заливали окрестности.

Посмотреть на церемонию собралась целая толпа: полицейские из ПБЗ, зеваки и несколько знакомых лиц.

В первом ряду стояла моя мать. Низкая, тщедушная фигурка в черной куртке. Каждый раз, когда она пыталась взглянуть на меня, ее лицо искажалось от горя. Справа от нее стояла

Элизабет, проявлявшая гораздо больше эмоций.

Кто-то раздвинул толпу, чтобы подойти поближе ко мне. Это была Сабрина Альварес. Она явилась без отца, зато с братом, Джоном, пресловутым директором департамента КНМ. На ней были черная блузка и юбка с разрезом, открывавшая ее потрясающие ноги и самый кончик хвоста дракона. Ее лицо было закрыто вуалью, и она рыдала так, будто была моей вдовой, а ведь когда мы расстались в прошлый раз, она была совершенно довольна происходящим. Теперь я понял, почему ей так легко удалось обвести меня вокруг пальца.

Ничего не скажешь, актрисы обладают огромным талантом в подобных делах.

Ну что ж, по крайней мере, моя смерть поможет уничтожить мотоцикл, загрязняющий окружающую среду.

Я вновь подумал о том захватывающем ощущении, которое испытал сидя в седле «харлея», когда разогнался до 220 километров в час.

Итак, вот, значит, какое чувство лежит в основе процесса, поставившего наш мир на грань уничтожения.

Полицейский из ПБЗ подтолкнул меня к дереву, которому предстояло стать моей виселицей. Я взглянул на пеньковый канат. Претензий к его качеству возникнуть не могло. Кто-то даже нанизал на него кожаное колечко, чтобы конец веревки не растрепался. Славная работа.

На скользящий узел только что уселся воробей с привязанным к лапке смс-сообщением. Но у меня руки связаны за спиной, как же я его прочитаю...

«Кому-то есть, что сказать мне, кто-то даже в этот момент думает обо мне».

Офицер ПБЗ перечислял предъявленные мне обвинения. Я слушал его вполуха.

...использование машины с двигателем внутреннего сгорания... курение сигары... использование оружия на основе пороха... употребление в пищу трупа быка... безответственное и эгоистичное поведение... бесчестье семьи... опозорил память своего отца, героя борьбы против загрязнения окружающей среды...

Я почувствовал, что устал. Когда же все это кончится?

В завершение офицер назвал меня человеком, недостойным того, чтобы жить. Мерзавцем. Лжецом. Скотиной. Предателем дела ПБЗ, членом которой я был когда-то. Позором ОЮЗП, старавшихся дать мне элементарное представление об экологии. Помехой для окружающих. Воплощением загрязнения природы.

Он напомнил о семи законах, о защите окружающей среды в масштабах планеты, о тяжести моих преступлений, о том, что я поправил все эти установления. Это заняло много времени. Слишком много.

Я разглядывал воробья с эсэмэской, который ждал меня.

«Кто же мог прислать мне сообщение?»

Затем начались приготовления к казни.

Я должен был подняться по приставной лестнице. За мной по пятам следовал палач, который продел мою голову в петлю и поправил скользящий узел. Воробей вспорхнул, но тут же снова уселся на ветку рядом со мной.

Специально назначенный офицер повесил мне на шею позорную табличку, на которой крупными красными буквами было написано: «ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ».

Несколько зевак, пришедших полюбоваться на зрелище, принялись свистеть и выкрикивать оскорбления.

Палач убедился, что все в порядке, и сделал знак офицеру.

«Что ж, вот и все».

Время, которое до сих пор вяло текло где-то рядом, тут же превратилось в жестокое настоящее. Канат, сдирающий кожу на шее. Опрокидывающаяся табуретка. Ноги, судорожно бьющиеся в воздухе. А затем я перестал дергаться и начал задыхаться. Горло горело, как при тяжелой ангине. Я надеялся, что казнь окажется быстрой и безболезненной, но мучениям пока не было конца.

Маленький воробей смотрел на меня, удивленный тем, что я не распечатаваю сообщение, привязанное к его лапке.

Когда язык вывалился у меня изо рта, птичка подлетела поближе, словно собираясь попробовать этот розовый фрукт.

«Увы, старик, тебе придется подождать. Через несколько дней, когда процесс разложения пойдет слишком далеко и соседи пожалуются на неудобства, меня отправят на компост. И если меня закопают под каким-нибудь фруктовым деревом, ты сможешь поклевать плод, в который я превращусь».

Воробей склонил голову набок. По крайней мере, он меня не осуждает. Он живет в настоящем. Он свободен.

Мой взгляд обратился к облакам. Я больше не слышал гула толпы. И подумал, что этот мир все равно обречен: они продолжают загрязнять его — по глупости, из жадности, из-за непонимания.

Президент прав: удовольствие сделать «врррум-вррум» педалью газа всегда окажется сильнее желания спасти наших детей.

Сабрина Альварес просто обнажила черную сторону моей натуры. Другие негодяи обнажат черную сторону натуры других людей.

«Как мало нужно, чтобы все полетело в тартарары».

2. ИНТЕРМЕДИЯ: ИСТИНА — В ПАЛЬЦЕ

Когда Мудрец указывает на луну, дурак смотрит на его палец (китайская поговорка).

Когда Мудрец объясняет, что его палец совершенно неважен и что интерес представляет только луна, дурак слушает Мудреца и приходит к выводу, что тот говорит действительно здорово (современный вариант вышеупомянутой поговорки).

Когда Мудрец требует, чтобы дурак «посмотрел на луну, будь она неладна», дурак робеет, но не поднимает глаз к небу (очень современный вариант той же поговорки).

Когда Мудрец, в конце концов, отказывается обсуждать луну и переводит разговор на свой палец, поскольку только он, судя по всему, интересуется дурака, несмотря на все приложенные усилия, дурак говорит себе: «Мудрец — это человек, который умеет сделать свои мысли понятными собеседнику и рассуждать на любую, даже самую нелепую тему. Например, о пальцах» (еще более современный вариант поговорки).

Когда Мудрец умирает, дурак задается вопросом: «А, в самом деле, о чем же так хотел рассказать нам Мудрец, поднимая палец высоко над головой?» (окончательный вариант поговорки).

3. ВСЕ ДЕЛО В УВАЖЕНИИ (прошлое вероятное)

Место действия: в автомобиле, следующем по автобану A13. Возраст рассказчика: 35 лет.

Знаете, месье, что действительно имеет значение? Уважение. Вот что я вам скажу: клиент занимается своими делами, а мы, профессионалы сферы безопасности, получаем деньги за то, что держим язык за зубами, но... Но, но, но... Необходимо ува-же-ние.

Ну, вот вам пример, месье. Не буду называть имен, но поверьте, это очень известный человек. Он часто мелькает на экране телевизора и очень неплохо там выглядит. Ну так вот, однажды вечером этот человек стал моим клиентом. Так точно. Именно моим.

Было уже довольно поздно, и клиент, пошатываясь, показался на улице с двумя полуголыми девчонками. Во всяком случае, одежда совершенно не скрывала их выдающихся достоинств, если вы понимаете, о чем я. Знаменитого ведущего (я говорил, что он ведущий на телевидении?) вырвало чем-то зелено-коричневым, почти жидким. Счастье еще, что он проблевался до того, как сел в машину. Передние колеса и колпаки слегка пострадали, но это не страшно. Пусть. Я молчу. Ведь нам, профессионалам в сфере безопасности, платят за то, чтобы мы держали рот на замке. Это наше ремесло. Я помогаю ему сесть в одну из наших машин, даю бумажные платки и влажные салфетки. Пока клиент вместе с девочками устраивался на заднем сиденье, я выскочил и протер автомобиль замшей.

Мы пользуемся полноприводными черными «тойотами» с дизельным двигателем и тонированными стеклами. Машины этой марки неброски и обеспечивают достаточный уровень комфорта. Я никогда не беру «мерседесы», они слишком бросаются в глаза.

И вот, значит, клиент сидит на заднем сиденье моей «тойоты» и поначалу ничего такого не делает. Но потом он начинает нюхать кокаин. Вы понимаете, да? Клиент делает что хочет, я не должен вмешиваться, но все-таки!..

Он сидит у меня за спиной, становится все более возбужденным, говорит все громче, и вдруг началось. Я веду машину, а сзади раздаются пощечины, удары, крики. Клиент вовсю лупит девчонок. Он их бьет, а они вопят на заднем сиденье моей полноприводной машины. Во весь голос. Видите ли, месье, у меня проблемы со слухом. Я пользуюсь слуховым аппаратом с тех пор, как во время маленькой партизанской войны в Африке, в Буркина-Фасо, я служил в десантных войсках и у меня над ухом выстрелили из «калашникова». Высокие звуки буквально раздирают мне барабанные перепонки. Я говорю клиенту, что ему лучше перестать, а не то он поранит своих подруг, но он продолжает буянить, не слушает меня и продолжает избивать обеих пассажирок. Он несколько раз ударил каждую лицом о бронированное двухслойное стекло машины (это не входит в стандартную комплектацию, но я сам заказываю). Носы девушек хрустели, как печенье, которое крошится на мелкие кусочки. Вы спросите — почему девицы не защищались? Потому что это такие девчонки, ну, вы понимаете. Им ведь и за это тоже платят, да? Я, конечно, извиняюсь, но они ведь все-таки... шлюхи, да? Дальше — больше: клиент заявляет, что у него кончилась дурь и нужно съездить за новой дозой. Называет имя и адрес дилера и говорит, что я ему понадоблюсь, потому что у того на него зуб из-за каких-то личных дел. Я не стал задавать вопросов (нам, сотрудникам службы безопасности, платят за скромность), но подумал, что в этом деле, скорее всего, замешаны либо женщины, либо деньги за наркотики. Проблема была в другом: я знал дилера, о котором он говорил. У него кличка Рэмбо, потому что он чем-то похож на Сталлоне. Очень опасный и авторитетный тип.

Наркобарон из Косово. Оттуда приезжают отчаянные ребята, война их всех сделала психами. У меня есть приятели-наемники, так вот, они рассказывали мне об этом Рэмбо. Там, у себя, он уже был очень влиятельным человеком, королем наркотрафика и разных преступных сетей. Он начинал с контрабанды дисков DVD и расчесок, а через некоторое время уже торговал детьми и оружием, если вы понимаете, о чем я.

И вот я говорю клиенту, что при всем уважении к нему я не обязан туда идти. А он, эта знаменитая личность, отвечает: «О'кей, я заплачу тебе тысячу». Я говорю, что очень хотел бы сопровождать его, но к Рэмбо он поднимется один: у нас нет винтовок, а там, наверху, люди наверняка вооружены «узи». Пистолеты-автоматы «узи» пробивают в теле дырки размером с яблоко. (Кстати, я очень люблю «узи», он и в карман помещается, и весит немного. Да еще при таком калибре у него совсем небольшая отдача.) И вот известный клиент (нет-нет, не спрашивайте! Я, к сожалению, не могу назвать его имени) говорит: «Полторы тысячи». Я киваю: «О'кей, за две штуки я отправлю с вами двух парней. Они возьмут оружие (у нас есть «беретты»), но за эти деньги только подождут на лестнице и прикроют, если возникнут неприятности. Я профессионал, и мне не нужны проблемы с полицией, вот такие дела, месье. Они ведь могут лишиться нас лицензии. Мы — серьезное охранное агентство, и нам репутация важна не меньше денег, вы понимаете, да? Что уж говорить о проблемах, которые могут возникнуть с нашими пенсионными накоплениями.

И вот знаменитый клиент говорит, чтобы мы пошли с ним, и готов заплатить две с половиной. Я отвечаю: «О'кей, я поднимусь на нужный этаж вместе с двумя своими парнями с «береттами» (они оставляют не такие большие дырки в теле, но тоже очень эффективны), но ни я, ни мои люди не переступим порога и будем ждать возвращения за дверью. Кроме того, никто из нас не хочет быть свидетелем того, что произойдет там, внутри». Тогда клиент предлагает три тысячи и, продолжая торговаться, начинает снова избивать девушку, которая сидит справа от него. Я говорю ему, что пора остановиться, так как кровь вот-вот испачкает сиденье, обтянутое натуральной телячьей кожей высшего сорта, в моей полноприводной «тойоте». Да еще придется везти девушку в больницу. Клиент приказывает мне заткнуться и заниматься своими делами. Надо просто выкинуть баб тут, на углу, и все будет прекрасно. И это телезвезда, месье, которую все обожают! Он красуется на обложке журнала, посвященного телевидению, да еще с детьми на коленях, месье! С детьми! А та фотография, где он во время отпуска стоит в майке рядом со знаменитой актрисой, обошла все газеты. Кое-кто даже думал, что они скоро поженятся. Ах, месье, как люди наивны!

Что ж, ладно, такая уж у нас работа. Я остановил машину на углу пустынной улицы и выволок девиц из салона. Они не шевелились и казались спящими. Во всяком случае, одна из них, та, что повульгарнее, храпела. Повульгарнее — потому что макияж она, похоже, накладывала мастерком. Нос был сломан, на теле множество кровоподтеков, но ведь это издержки профессии, правда, месье? У каждого — свое ремесло, и все рискуют. У второй девушки кровь залила всю блузку и мини-юбку, но я даже не буду об этом говорить. Чистка одежды — тоже издержки профессии, верно? Правда, наш знаменитый клиент швырнул несколько купюр на тела оглушенных девиц. У него в бумажнике было полным-полно сотенных, а скрягой его не назовешь. Уж этого отрицать не приходится. Можно даже сказать, что он был отчаянно щедр. И все-таки я чувствовал себя немного неловко. Был выбит из колеи...

Так обойтись с беззащитными девушками!

Замечу, что за неделю до того я видел, как этот знаменитый ведущий рыдал во время телепередачи, посвященной теме «женщин, которых бьют». Мир полон цинизма, уверяю вас, месье. Этого типа с напوماженными волосами и открытой улыбкой называют идеальным зятем. Люди наивны, месье. Если б они только знали...

Тут я, правда, подумал: а есть ли у него еще деньги или он все вот так спустил, пуская пыль в глаза?

Но мы уже ехали к этому самому Рэмбо. Когда мы подъезжали, я увидел, сколько народу болтается у входа, и сказал клиенту: «Как профессионал в области безопасности, полагаю, что двоих моих парней будет недостаточно, хорошо, если хватит пятерых. Так я прикинул. Это моя работа, и я хорошо в ней разбираюсь».

Раньше я работал в цехе по забою цыплят и прекрасно знал, сколько человек нужно на каждую операцию. Я никогда не ошибался. Но в цехе по забою цыплят есть одна проблема — запах. От моей одежды, прямо скажу, воняло. Запах пропитывал волосы, кожу. Жена орала, что от меня смердит, как от трупа, и я перешел в охранное агентство. К тому же тут лучше платят. У меня восемь детей, их нужно кормить и покупать подарки на Новый год. Не говоря уже о жене, которая у меня скорее мотовка, чем экономная хозяйка. Она помешана на обуви: у нее, должно быть, тысячи пар. Не знаю, на что ей столько туфель, можно подумать, она их ест. Но я не об этом.

Короче, мы прикатили на место. Я договорился с клиентом об оплате — десять тысяч евро, и мои пятеро парней из группы поддержки подъехали через полчаса. Все на «тойотах» с дизельным двигателем и тонированными стеклами. Чтобы не бросаться в глаза. Я уже говорил, что «тойоты» тут подходят гораздо больше, чем «мерседесы»? Признаюсь, я сразу понял, что дело будет непростым, потому что у входа дежурили четверо крепких молодцов, вооруженные до зубов.

К счастью, это были профи, не отставные вышибалы или ночные сторожа и не молодые охранники, которых вам навяжут во время рекламных кампаний в агентствах-однодневках. Понимаете, о чем я? Трое по цене двоих, держите! А хотите, я честно скажу, что думаю об этих людях? Они позорят профессию! Ни характера, ни умения моментально реагировать на ситуацию. Я точно знаю, что они занимаются этим только ради денег!

Ф-фу... У них же нет ни грамма любви к своей работе. В итоге неизбежно возникают ошибки, а дальше мы читаем о них в рубрике «происшествия».

Вот что я обо все этом думаю. А для тех, кто в этом не разбирается, все сотрудники охранных структур — на одно лицо, да? Я вот не побоюсь сказать прямо: у молодежи, работающей за полцены, у новичков, получивших винтовки, слишком горячая кровь, и возникает опасность «инцидента, о котором впоследствии глубоко сожалеют».

Вооружение тех, кто охранял вход, говорило само за себя. У них были не «узи», как я боялся, а «смитвессоны». Знаете, эти новые, с хромированным прицелом. В общем, стильные штучки.

Когда эти парни увидели, что нас больше, они не стали упираться. Просто кивнули, что все поняли. Понимаете, да? Они тоже признали в нас профи.

Я индивидуальный предприниматель. Мои парни получают половинный оклад, но могут в свободное время подрабатывать на стороне, но честно скажу: я абы кого не нанимаю.

1. Мулу — чемпион региона Рона-Альпы по кикбоксингу в полутяжелом весе. После операции на плече он продолжает выходить на ринг, хоть у него и сломан нос. Из-за этого он дышит ртом и фыркает, как разъяренный бык.

2. Альберто — инструктор по бодибилдингу, работает по вызову в шестнадцатом округе Парижа^[8] (то есть у богатых людей, а состоятельные люди, скажу вам, очень требовательны, они трепетно относятся к качеству предоставляемых услуг). Сам он производит впечатление тщедушного человечка, но знает все мышцы и точки на теле, на которые нужно нажать, чтобы причинить боль или убить. Тот, кто станет досаждать Альберто, совершит очень большую ошибку. К тому же совсем недавно жена наставила ему рога, и он стал очень нервным. Я бы

даже сказал, вспыльчивым. Более того, неуправляемым. Однако мне он подчиняется.

3. Моктар — чемпион по контактному карате. Его выпустили из тюрьмы после того, как он выступал за команду своей камеры в состязаниях по карате и одержал победу. Судя по всему, это был исторический поединок. Моктар сломал противнику руку и изрядно проредил зубы. Это было не самое приятное зрелище. Я-то сам не видел, но мне рассказали об этой бойне кореша — охранники тюрьмы. И я не колеблясь нанял Моктара, как только тот оказался на свободе.

4. Дуду — мой сосед по дому в Велизи^[9], настоящий зверь. Его тогда только что вышвырнули с должности охранника в супермаркете за то, что он ударил клиента. Заметьте, нечаянно ударил. Дуду — единственный охранник-профи из всех моих знакомых. Если бы вы его хорошо знали, то согласились бы, что он сама нежность, однако стоит проявить к нему малейшее неуважение, и он тут же реагирует. Потом он сожалеет о том, что сделал, и, поверьте, действительно раскаивается. Из нас он самый чувствительный. Он настолько чувствителен, что иногда я сомневаюсь, стоит ли звать его на дело: боюсь, как бы впоследствии его вконец не замучила совесть.

5. И наконец, Фреддо — победитель в соревнованиях по регби между коммунарами, хотя в нашем деле это не имеет никакого значения. Впрочем, Фреддо воевал в Афганистане и как-то сказал мне, месье, что это было довольно неприятно. Кстати, мне тоже предлагали отправиться в Афганистан из-за моих врожденных лидерских качеств и развитых навыков самоконтроля. Я только что ушел из цеха по забою цыплят и стремился повысить свой социальный статус, поэтому всерьез задумался над этим предложением. Но в итоге мы не смогли договориться с вербовщиками о размере вознаграждения. Причем заметьте, я был совершенно прав. Говорят, в Афганистане нет ничего, кроме гор, и там довольно холодно. Часто идут дожди, бывает снег, а я очень не люблю холода. Я никогда не мог понять, почему, к примеру, людям так нравится кататься на лыжах. Вы поднимаетесь наверх, а затем съезжаете по крутому склону, рискуя себе что-нибудь сломать. Это опасно, а значит, глупо. Все равно что играть в русскую рулетку в погоне за острыми ощущениями. Даже сани не внушают мне доверия. Не хотелось бы посвящать вас во все детали моей биографии, но я родился на побережье Средиземного моря. Мой отец был инструктором по плаванию, он получил лицензию от тогдашнего министерства по делам молодежи и спорта. Так что я всегда голосую за солнце, а не за высоту и ледяной ветер. От холода у меня ломит кости. И насчет Афганистана я сказал «спасибо, нет». Особенно учитывая те деньги, что мне предложили.

Итак, клиенты обсуждали свои проблемы в квартире Рэмбо. А мы, их телохранители, выстроились напротив друг друга и молча обменивались взглядами.

Но если мы, мастера в сфере безопасности, понимали друг друга без слов, наши клиенты, судя по всему, никак не могли договориться. Они принялись осыпать друг друга выражениями, которые никто не сможет назвать любезными. Затем перешли на личности. Мы же, соблюдая правила приличия, двигали челюстями, перемалывая жевательные резинки. Как я и предполагал, спор у клиентов вышел из-за женщин и денег. Я не вслушивался в их пререкания, но ведь уши-то себе не заткнешь.

Получалось так, что мой клиент, звезда телеэкрана, сделал несколько больших глупостей. Очень крупных глупостей. И вместо того, чтобы держаться тише воды, он явно перегнул с понтами. Это было крайне неразумно. Похоже было, что мой клиент и не подозревал о прошлом Рэмбо или оно его несколько не впечатляло. Он обозвал наркобарона «мелкой мразью», а затем пригрозил, что его кореша (то есть мы) набьем ему морду. Скажу прямо, в этот момент я начал жевать свою жвачку с утроенной силой, ведь о том, чтобы набить морду Рэмбо, в соглашении о предоставлении услуг на общую сумму в десять тысяч евро не было и намека. Оскорбления так и сыпались, и вот один из спорщиков, я даже не знаю кто именно, ударил противника кулаком.

Они начали драться: телезнаменитость против наркобарона-косовара... Ах, месье, я иногда думаю, стоит ли считать вступление Косово в Евросоюз хорошей идеей...

Мы же, телохранители противоборствующих сторон, по-прежнему мерили друг друга взглядами, хмыкали и продолжали соблюдать правила приличия. Могу вам сказать, что представители обоих лагерей изо всех сил налегали на жвачку. Бывают моменты, когда в ней вообще нет вкуса, кажется, будто жуешь кусок резины. Но ни мы, ни те, кто стоял напротив, не имели никакого желания вмешиваться в происходящее. Наша работа — это уважение и сдержанность. И потом, то, что происходило между нашими клиентами... В конце концов, это их дело. Когда мой подопечный одержал верх (возможно, потому что был под завязку накачан дурью) и принялся орудовать карнизом для занавесок, быстро покрывшимся чем-то липким и красным, я наконец вмешался: придержал его за руку и сказал, что пора остановиться. Видите ли, мне кажется, что, исходя из профессиональной этики, наш долг как «вольнонаемных специалистов в сфере безопасности» — защищать клиентов от их собственных «примитивных побуждений».

Иногда, особенно когда работаешь со знаменитостями, клиенты ведут себя... Как бы это сказать? Как капризные дети. А мы обязаны быть для них... Как бы сказать? Мудрыми родителями, да?

Вы меня понимаете, месье? За десять тысяч евро мы должны помочь клиенту перестать дубасить карнизом для занавески окровавленного типа, который уже даже не шевелится. Даже если этот тип — косовар. Во всяком случае, мне так кажется.

Это, наверное, можно назвать психологическим аспектом профессии телохранителя. Именно в нем кроется отличие между нами, профи, и рядовыми охранниками или вышибалами-любителями. В этом самом психологическом аспекте. Итак, я перестал терзать жвачку и предложил клиенту проявить немного сдержанности. Выглядело это примерно так:

«Послушайте, месье. Уже поздно, может, нам стоит уехать отсюда?»

Клиент ответил не задумываясь: «Ты, горилла! Не лезь ко мне, не то я и тебе начищу морду».

Я, конечно, не люблю, когда кто-то проявляет неуважение по отношению ко мне, но клиент есть клиент, и к тому же он еще не расплатился.

Что ж, тем хуже для него. Мы с парнями (среди которых, очень хочу вам напомнить, есть знаменитые на весь мир чемпионы по боевым искусствам разных народов) проглотили обиду, а я всего лишь попросил небольшую прибавку «за закрытую пасть». Тысячу евро. Мы немного поторговались, пока Рэмбо валялся на полу, представляя собой довольно печальное зрелище. Когда я думаю о том, что он торговал органами сербских пленных... Эх, скажу как есть: его собственные органы в тот момент вполне годились для продажи с оплатой наложенным платежом. Или даже через супермаркет. Все они были выставлены напоказ — свежие и блестящие. Наконец наркоторговец пошевелился и захрипел, схватившись за окровавленную голову. В ближайшее время ему придется потратиться на стирку своей белой рубашки и чистку светлого ковра. Я всегда считал, что не стоит стелить в квартире светлые ковры: они быстро пачкаются.

Мы с клиентом продолжали вести деловые переговоры, а Рэмбо издавал горлом звуки, похожие на бульканье воды в раковине. В конце концов мы сошлись на прибавке в две тысячи. Понимаю, сейчас вы скажете: это, мол, дороговато. Однако, устанавливая сумму сделки, я учел тот факт, что вместе со мной как-никак работали пятеро моих парней-суперпрофессионалов (среди которых, напоминаю, Мулу — чемпион региона Рона-Альпы по кикбоксингу в полутяжелом весе) и им приходилось соблюдать «пункт договора о соблюдении тайны вольнонаемными специалистами в сфере безопасности». А ведь еще надо платить страховые

взносы за черные «тойоты» с тонированными стеклами. Не говоря уже о горячем, которое в договоре вообще не упоминается. Да, это дизельное топливо, но «тойоты» жрут его будь здоров.

Клиент слегка успокоился. Порывшись вокруг, он нашел в ящике стола кулек с белым порошком. Он не стал тянуть и тут же, на месте, втянул носом большую порцию дури. Я подумал: «Если так и дальше пойдет, он скоро забудет, что должен нам заплатить». Вы же понимаете, профессионалы так дела не ведут. Это значит, что нужно смириться с полным отсутствием уважения, а ведь мы — работники, оказывающие услуги по обеспечению безопасности, пусть даже и вольнонаемные.

Правда, вслух я ничего не сказал. Тем временем клиент пожелал отправиться в ночной клуб, чтобы, как он выразился, «оттянуться». Я почувствовал, что дело принимает дурной оборот.

Впрочем, с нами у него будет меньше шансов совершить какую-либо глупость, о которой он впоследствии стал бы сожалеть. Мы для него как родители для капризного мальчишки — ах да, кажется, я это уже говорил.

Итак, мы приехали в «Нью-Парадиз». Было уже около двух часов ночи. Но дурь все еще не выветрилась. К тому же клиент принялся пить. Водку безо льда. Он начал оскорблять посетителей ресторана. Он обижал людей. Например, там был один паренек едва ли старше шестнадцати лет, который попросил автограф, — обычный поклонник, узнавший телезвезду. Паренек прямо сиял. Он сказал моему клиенту: «Я никогда не пропускаю ваших передач. Я вас просто обожаю. Вы — мой любимый ведущий. Можно автограф?» Клиент недовольно скривился. Он спросил: «Что?!» — и — бац! — ударил парня головой в нос, а потом, ухмыляясь, произнес: «Вот тебе автограф. Я тоже не пропускаю придурков вроде тебя». Нос бедолаги так и хрустнул. Видимо, у моего клиента такая фишка — ломать носы. Наверное, ему нравится звук.

Наша работа, работа профессионалов в области безопасности, — удостовериться, что возле клиента не крутится ни одного фотографа.

И если хотя бы один из них появится на горизонте, тут же конфисковать у него аппарат. Это нужно сделать не-пре-мен-но. С такими вещами не шутят. Да-да, тут вовсе не до шуток. Папарацци — наша постоянная головная боль. Вот уж кто действительно мне противен. Вот что я вам скажу, месье: это подлецы, которые занимаются подлой работой. Этих подонков нужно остерегаться! Одна-единственная компрометирующая фотография может вдребезги разбить репутацию и пустить под откос карьеру звезды. Клиент может развлекаться как угодно, но, если всплывает хотя бы одна фотография, ему уже ничего не удастся отрицать, верно? Даже если на него работает очень дорогой адвокат, который докажет, что все смонтировано в фотошопе и что фото поддельное, люди сразу увидят, где правда, а где ложь. К счастью, посетители снимали происходящее только на мобильники, а качество таких снимков хорошим не назовешь. Даже если у вас телефон с камерой на 3,2 мегапикселя: Но без вспышки изображение получится нечетким. Даже у последних моделей. Такое фото не удастся продать в бульварные газетенки.

А наш клиент все никак не мог успокоиться. Когда официант позволил себе сказать, что новой бутылки водки придется подождать, как это делают все посетители, телеведущий стал выкрикивать свое имя и орать, чтобы с ним не смели говорить в таком тоне, что его должны немедленно обслужить, иначе разразится чудовищный скандал.

И вот этот тип постоянно мелькает в телевизоре, все его обожают. Клянусь, месье, если бы я назвал вам его имя, вы бы мне не поверили. Этот тип родился в пригороде, как и мы. Он был милым и послушным мальчиком. Скажу по секрету, моя бабушка знала его бабушку: они обе жили в одном муниципальном доме на Малакофф^[10], с весьма умеренной квартплатой. Невероятно, правда? Вам это, конечно, будет смешно, но, если бы я проявил больше честолюбия, я и сам бы мог оказаться на его месте. Не буду хвастаться, но на семейных сборищах я так всех смешу, что меня называют новым Колюшем^[11].

А теперь этот тип со своими миллиардами вообще не отдает себе отчета в том, что происходит вокруг. Это просто капризный мальчишка, который живет под маской мужчины, улыбающегося с экрана телевизора. Видели его в программе о детях, ставших сиротами в результате автокатастроф? Он был так трогателен! Даже я, если бы не видел сам, как он избивал девиц на заднем сиденье моей «тойоты», поверил бы, что это потрясающий человек. Люди наивны, месье.

Заметьте, я предполагаю, что все это, возможно, из-за кокаина. Я полагаю, что наркотики не приносят пользы здоровью. Но ведь это моя личная точка зрения, да? Уважение и сдержанность. Мы не должны вмешиваться, когда люди делают выбор, вы согласны? Клиент делает то, что хочет.

И хоть он и звезда, официанты, когда увидели, как невежливо он себя ведет, как безжалостно щиплет танцовщиц за задницу и хватает их за грудь, подали ему виски в грязных стаканах. И без льда. Я сильно подозреваю, что кто-нибудь из обслуживающего персонала кафе даже плюнул в сангрию, так как некоторые кусочки фруктов в этом напитке слишком походили на плевки. Ну, вы понимаете. Такова месть маленьких людей: они вредят исподтишка, когда чувствуют, что их не уважают. Пострадали даже мы, просто сопровождавшие звезду: наш заказ (только кофе, никакого алкоголя) принесли с большим опозданием. Кофе был холодным. И без сахара. Это несправедливо, месье: наказывать нас за чужие провинности.

Холодный кофе без сахара! Я не вру, месье, мои люди могли бы подтвердить вам это. Альберто, Мулу, Моктар, Дуду — все были очень огорчены подобным отношением. А все эти женоподобные придурки-официанты... Низкорослые уроды!.. Если бы меня спросили, я бы сказал, что считаю это проявлением полного непрофессионализма. Они обязаны обслуживать всех одинаково. Заметьте, вполне вероятно, они вообще были расистами. Конечно, вслух никто из нас ничего не сказал, но, черт возьми, я слышал, как хрустнули суставы, когда мои коллеги, стиснули кулаки.

Но мы остались профи. В отличие от клиента, который под действием кокаина ударил стриптизершу. И более того — боюсь, вы мне не поверите, — он укусил ее за задницу. До крови. Видимо, жевательная резинка не помогает ему снимать стресс. Вместо жвачки он выбрал ягоды танцовщицы. Когда стриптизерша вlepила нашему клиенту пощечину, тот решил разнести весь «Нью-Парадиз». Тем не менее мне удалось остановить его, и тут кто-то заорал, что приехала полиция. Ее приезд был, видимо, связан с начавшимся пожаром, причину которого я затрудняюсь назвать: возможно, дело в свечке, опрокинувшейся во время потасовки... Мы ведь телохранители, а не пожарные. Нам пришлось «прибегнуть к небольшому принуждению», чтобы вывести клиента наружу через запасной выход. Происходящее начинало нам надоедать. И мы проводили клиента к ближайшему банкомату. Чеков на предъявителя мы не берем. Нам уже не раз попадались чеки без обеспечения. В нашем ремесле мы всякого повидали. Мы — простые труженики, которые ничем не защищены от бессовестных людей. В том числе знаменитых. У нашего телеведущего была банковская карта с немалой суммой на счету, что позволило ему разом снять восемнадцать тысяч евро. К его чести замечу, что жадным он не был. Клиент даже дал нам на чай. «Держи, горилла, а это для твоих макак», — сказал он, бросив деньги на землю.

Каково было нам, специалистам в сфере безопасности, слышать такое! Впрочем, мы собрали все купюры.

Признаюсь вам, месье, этот вечер запомнится мне надолго. Потом эта телезвезда — уверен, вам вряд ли понравилось бы, если бы я назвал его имя, потому что, как ни крути, это один из самых любимых ведущих во Франции, — вновь вызвала нас для еще одной ночной поездки. Со своими корешами-рэперами, только представьте себе это. Я ненавижу рэп. Французская эстрада — вот что я люблю. Особенно месье Шарля Азнавура. Ах! Азнавур — это настоящая музыка. Но

рэп! Фу-у-у! А хуже этих рэперов никого не придумаешь. Если бы я только рассказал, что коллеги говорят о своих клиентах-рэперах, вы бы мне не поверили. Они еще хуже, чем мой подопечный.

Ладно. Ну я сказал ему, что меня это не интересует. Тогда он предложил мне тысячу. Я ответил — пять. Ведь речь шла о предоставлении «вооруженных телохранителей с учетом высокой вероятности рукопашной схватки» между клиентом и его конкурентом, другим телеведущим. У них возникли разногласия из-за какой-то девки, к которой оба вспыхнули страстью. Из-за итальянки с большой грудью. Я говорю — четыре. Он — полторы. Я — три. Он — две. И знаете, что он говорит дальше? «Слушай, горилла, ты что, поднял расценки?»

У меня все-таки есть чувство собственного достоинства, месье. Я твердо говорю: три тысячи, и ни евро меньше. И представляете, что он отвечает? Просто уму непостижимо! Я и подумать не мог, что в разгар XXI века услышу нечто подобное! Извините, месье, это от волнения. Так вот, он мне отвечает: «Две. И ни сантимата больше». Я говорю: «Две с половиной». А он как заорет: «Да пошел ты, придурок!» Я настаиваю: «Две с половиной, и уж точно не меньше». Клиент вопит: «Две, и больше не добавлю!» Ну что ж, тогда я говорю этому знаменитому клиенту, чтобы он обращался в другие охранные агентства. У меня есть чувство собственного достоинства, месье. А я-то считал его великодушным! Щедрым! Он совершенно изменился. Стал мелочным, прижимистым! Вполне возможно, что со времени нашей последней встречи его рейтинг на телевидении упал. Но нам-то какое до этого дело? Не говоря уж о том, что после такого клиента ни в один ночной клуб не покажешься! Вспомните, что было в «Нью-Парадизе». Я едва осмеливаюсь там бывать после того, как они ликвидировали последствия пожара, охватившего всю заднюю часть заведения. Хотя теперь, когда стены обиты огнеупорным розовым материалом, мне кажется, что ресторан выглядит лучше прежнего.

Я бы согласился рискнуть, но не за две тысячи. Две с половиной — это минимальная цена за такую работу. Меньше никак. Не стоит и упоминать о том, что, учитывая специфику моего бизнеса, мне совершенно не нужны проблемы с полицией. Тут все и так держится на волоске. Один прокол, и прощай лицензия. Такими вещами не шутят. Я принадлежу к числу вольнонаемных специалистов и полагаю, что нельзя поступаться профессиональной этикой. Вот я ирываюсь между требованиями клиентов и этикой. Эх, если б вы только знали...

Главная проблема — это текучка заказчиков. Вы же видите, нас нанимают, как сантехников для ремонта протечки. Моя мечта — работать по регулярному графику, в твердо установленные часы, как госслужащие, понимаете? Но в то же время я бы хотел остаться в сфере безопасности с присущим ей духом приключений. Короче, не бросать «машины-пушки-и-спортивных-корешей» — всего, что составляет очарование этой профессии. Работа за твердый оклад и по графику успокоила бы мою жену и моего банкира. Не пришлось бы хвататься за что попало, лишь бы дотянуть до конца месяца и уплатить по счетам за наш домик в Велизи. Между прочим, прелестный уголок. Знаете Велизи? Недавно я завел у себя бассейн. Не стоит и говорить, что его нужно обслуживать, менять воду, приглашать рабочих, чтобы прочистить сливные трубы, которые вечно забиваются волосами и всякой дрянью.

Так что я крепко взял себя в руки и отказался. Я совершенно четко дал клиенту понять: две с половиной тысячи, и никак не меньше — и произнес это достаточно решительным тоном, как видите. Пусть наконец поймет, с кем имеет дело. Я твердо решил не уступать.

К тому же при работе с клиентами такого сорта, помимо проблем с профессиональной этикой, всегда возникают еще и непредвиденные расходы.

Взять, к примеру, мою «тойоту». Пятна крови свести не удалось, а это производит неприятное впечатление на других клиентов. Вон они, эти пятна, взгляните. А еще блевотиной пованивает. Я использовал ароматизатор с провансальской лавандой, но мерзкий запах все

равно пробивается. Чувствуете, да?

Так что две с половиной, не меньше. Он мне отвечает: «Ха! Да ты осел! Ты что, глухой? Две, и точка!»

«Осел?» Я — отец семейства, специалист, у меня восемь детей и бассейн. Не считая собак! У меня немецкие овчарки, я уже говорил? Помесь с бельгийскими. А жена? Что она подумает обо мне, если я стану слишком низко ценить собственный труд? Так что нет — ну и не надо! Я предпочел отказаться от такой работы.

Хотите, я скажу вам еще кое-что? Теперь, когда я вижу этого суперзнаменитого ведущего по телевизору (я не могу назвать его имя, но вы были бы в шоке, ручаюсь), когда он появляется на экране, я переключаю программу. Это моя маленькая месть. Даже если по другим каналам показывают что-нибудь еще более скучное — какие-нибудь бесконечные американские боевики.

Ведь он обозвал меня ослом!

Если позволите, я скажу вам, о чем думаю в глубине души. Теперь, когда прошло время, я спрашиваю себя — а уважал ли он меня вообще?

4. ЦВЕТОЧНЫЙ СЕКС (будущее возможное)

Рука осторожно взяла белую розу.

На коже выступила капля крови.

Палец, уколотый шипом, приблизился к губам.

Роза заняла свое место среди других цветов в букете.

Аврора взглянула на царапину и попыталась успокоиться.

Рядом с букетом валялся бледно-желтый листок с результатами анализов. Ее приговор.

Теперь все известно. Она не сможет иметь детей.

Аврора аккуратно расставила купленные заранее игрушки и закрыла на ключ комнату, подготовленную в ожидании успешного оплодотворения.

Гормональные инъекции и имплантация яйцеклеток не помогли.

Она бесплодна. Ее муж также неспособен иметь потомство.

Аврора обвела взглядом горизонт — и подумала, что теперь остается просто ждать старости и смерти. Никто не передаст дальше ее генетический код. Не будет малыша с ее глазами, волосами, с ее смехом. Она умрет и унесет в могилу свои наследственные признаки.

Бесплодна...

Это слово показалось ей грязным ругательством.

Аврора представила свое чрево в виде пустыни, где жизнь никогда не пустит ростки.

В соседних домах другие женщины так же, как она, пытались осознать тот же самый приговор. Их яичники больше не работали. Сперматозоиды их мужей утратили способность к оплодотворению.

Что же случилось? В какой момент произошла эта мутация?

Одни во всем винили противозачаточные средства, другие — трусы в обтяжку, из-за которых сперматозоиды погибали от перегрева. Среди возможных виновников упоминались также загрязненная вода, радиоактивный воздух, излучение от мобильных телефонов, генетически модифицированные продукты питания, неизвестный вирус.

Причина бедствия оставалась неизвестной, но число бесплодных людей росло с каждым днем.

Верующие считали, что человечество таким образом расплачивается за то, что исказило основную цель сексуальных связей — продолжение рода.

Вскоре последовала и реакция — наступил период исключительной чистоты нравов.

Мир вернулся к бракам, о которых договариваются родители, к девственности невесты, к строжайшему запрету супружеской измены, к закрытости информации об отношениях между полами, к жестокому преследованию проституции, адюльтеров, наготы, а затем и всех сексуальных актов, не имеющих целью зачатие, в частности фелляции и содомии. Виновные в двух последних преступлениях подвергались штрафам и строгой изоляции.

Несмотря на эти меры, количество бесплодных людей продолжало увеличиваться, и темпы этого процесса внушали серьезную тревогу. Мужчины и женщины стали бледными и агрессивными. Вслед за эпохой чистоты нравов наступило время противоположной крайности — периода распутства. Все вступали в связи со всеми, без каких-либо контрацептивов, надеясь, что увеличение числа сексуальных партнеров повысит вероятность зачатия. Отныне сексуальность всюду выставлялась напоказ без малейшей стыдливости.

Тем не менее демографическая кривая продолжала неумолимое падение.

Третьей фазой стало время всеобщей покорности судьбе. Каждый вел сексуальную жизнь так, как ему хотелось, преследуя единственную цель — получить удовольствие — и уже не надеясь на продолжение рода. Будто у всего человечества наступил климакс.

Число людей на Земле сокращалось год от года, век от века, — и никому не удавалось приостановить этот страшный процесс.

Однако у природы свои планы.

Она как вода, которая течет под уклон и, встречая препятствие, огибает его. Судя по всему, бесплодие, поразившее людей, было ее самым смелым экспериментом.

Именно в это время внезапно началось то, что позже получило название «Цветочной революции».

На календарях значилось: 10363 год, 23 июля.

Адриан Ольстен смотрел эротический фильм и онанировал, когда неожиданно увидел, как из его члена вместо обычных прозрачных капель вылетело облачко серебристого порошка. Частицы порошка некоторое время висели в воздухе, после чего осели на пол комнаты блестящими пылинками.

Адриан поначалу опешил, но затем повиновался странному рефлексу.

Он открыл окно, и ветер тут же унес частицы его серебристой спермы к облакам.

Адриан сообщил о том, что случилось, одному журналисту, который написал заметку, и вскоре все пожелали увидеть это собственными глазами.

Ольстен онанировал при свидетелях и включенных видеокамерах. И каждый раз появление серебристых пылинок вызывало у присутствующих волнение и восторг.

Сначала эксперты полагали, что подобная мутация — всего лишь нарушение функций организма. Однако при исследовании под микроскопом выяснилось, что внутри каждой частицы порошка находится сжатый сперматозоид в сухом состоянии, почти лиофилизированный ^[12]. Ученые напомнили, что если яйцеклетка — самая большая клетка человеческого организма, то сперматозоид — самая маленькая, и этим можно объяснить, почему содержащая его гранула оказалась настолько легкой, что даже смогла летать по воздуху.

Адриан Ольстен оказался первым, но вскоре и другие мужчины стали сообщать о том же самом любопытном феномене: эякуляции серебристым порошком. Скорые на выводы средства массовой информации окрестили этот летучий порошок мужской пылью. Организовывались специальные публичные зрелища эякуляции мужской пыли, в ходе которых серебристый порошок подсвечивался разноцветными прожекторами, а вентиляторы превращали его в сверкающее облако, стремительно рассеивающееся между рядами аудитории. Все это происходило под восторженные крики юных девиц, наслаждавшихся представлением.

Одновременно стало известно о мутациях и у представительниц женского пола. Вагинальная жидкость — естественные выделения, увлажняющее влагалище в момент сексуального возбуждения, — становилась все более цветной, маслянистой, ароматной и сладкой на вкус. По аналогии с мужской пылью, этот новый тип секреции получил поэтическое название «женский нектар».

К несчастью, при соединении мужской пыли и женского нектара не происходило никакого оплодотворения. Ядро каждой частицы пыли оставалось герметично закрытым благодаря защитной оболочке, а если ее пытались механически вскрыть, сперматозоид погибал.

И вновь возникла мысль о том, что человечество как вид вымирает, приближаясь к своему концу, из-за несоответствия мужских и женских элементов.

Однажды Адриан Ольстен спал на открытом воздухе в обнаженном виде. Находясь во власти эротического сна, он отправлял в свободный полет облачка серебристого порошка. В этот

момент рядом появилась порхающая бабочка и села возле него. Она принялась, попробовала неизвестное вещество и, заинтересовавшись, вытянула хоботок, чтобы всосать пыльцу, покрывшую мужской половой орган чем-то вроде тонкого слоя снега.

Это была бабочка-монарх, с желто-оранжевыми крыльями, покрытыми черными полосками с белыми точками.

Бабочка улетела, однако новая пища усваивалась ею плохо. Насекомому захотелось найти какое-нибудь питье, которое помогло бы переварить эту странную пыльцу. Оно напилось дождевой воды, но жажда не проходила. Тогда бабочка стала искать дальше и провела в поисках много времени, перепробовав разные жидкости и соки растений, пока органы обоняния не сообщили ей вдруг об источнике какой-то новой влаги.

Самка человека. От нее исходил запах, который как по рельсам привел бабочку к нижней части живота женщины. Там насекомое наконец нашло нектар, способный утолить его жажду.

Вот так, поглощая влагу, выделяемую женщиной, монарх смог наконец переварить мужскую пыльцу и тут же принялся выводить из организма отходы пищеварительного процесса.

Лишь в кишечнике насекомого нашлись ферменты, способные растворить защитную оболочку мужской пыльцы, не разрушив ядра. И лиофилизированный сперматозоид наконец освободился от своей скорлупы.

Вступив в контакт с женским нектаром, он пробудился от спячки и, будто повинуюсь таинственному зову, начал ползти вперед, продвинулся внутрь тела и устремился на штурм шейки матки.

Там его ждала яйцеклетка, которая, едва он ее коснулся, растянулась, размягчилась и приняла его в свое лоно.

В итоге девять месяцев спустя Шанталь Дельгадо родила ребенка.

Девочку.

Ее назвали Маргаритой.

Появление на свет малыша, зачатого по «цветочно-бабочковой схеме», стало событием мирового масштаба. Ученые произвели исследования и обнаружили основного виновника. Пресловутую бабочку вида «монарх» или, в соответствии с научным наименованием, *Danaus plexippus*^[13].

Отныне каждый человек знал, что есть «другой способ» зачать ребенка. Даже если этот новый способ казался совершенно бредовым.

Теперь «Цветочная революция» могла начинаться.

Профессор Амзалаг разделил новый процесс зачатия на ряд этапов, чтобы проследить его в мельчайших деталях.

- А. Эротические фантазии у мужчины.
- Б. Выделение серебристой пыльцы.
- В. Появление бабочки вида «монарх».
- Г. Действие кишечных ферментов насекомого.
- Д. Эротические фантазии у женщины.
- Е. Выделение женского нектара, способного привлечь бабочку.
- Ж. Прибытие бабочки.
- З. Путешествие одинокого сперматозоида, пробудившегося от спячки, в поисках яйцеклетки.
- И. Прием яйцеклеткой этого единственного крошечного посланца.

Как матери-природе удалось изобрести столь необычный способ, чтобы один

биологический вид мог продолжить существование при помощи другого, настолько от него отличающегося?..

Выступая по телевидению, знаменитый биолог профессор Жерар Амзаллаг, широкоплечий мужчина с низким голосом, напомнил зрителям, что подобный феномен очень часто встречается в животном и растительном мире.

Ученый показал зрителям орхидею, *Ophrys exaltata*, которая мутировала так, что нижняя часть цветка оказалась как две капли воды похожа на тело пчелы.

— Мимикрия у этого вида растений настолько совершенна, что вы можете разглядеть не только глаза и рот насекомого, но также маленькие волоски на туловище. Когда обманутая пчела садится на цветок для спаривания, она измазывается в пыльце. Другие цветы, — продолжал биолог, — особенно аронники, испускают ароматы, похожие на феромоны мух и комаров. Все это делается для того, чтобы привлечь насекомых и использовать их в качестве переносчиков мужских половых клеток.

Аудитория была покорена. Далее профессор перечислил ряд живых существ, цикл воспроизводства которых предполагает перенос семени не одним, а тремя видами животных и одним видом растений! Более подробно ученый остановился на одном из таких созданий — печеночном глисте, фактически простой клетке с оболочкой и ядром.

Амзаллаг с энтузиазмом описал сложный путь, проделываемый печеночным глистом овцы: — Итак, этот червь передвигается внутри барана. Затем он покидает тело животного вместе с пометом. По экскрементам ползают улитки, заражаясь в результате глистом. Улиток поедают муравьи, которые становятся новыми носителями паразита. Обосновавшись внутри муравьев, глисты доводят их до безумия, так что насекомые взбираются на вершины травинок, чтобы быть проглоченными пасущимися овцами. И круг замыкается! Глист — микроорганизм немногим больше микроба, начисто лишенный органов чувств, — нуждается в таком сценарии, чтобы воспроизводить себе подобных.

Профессор Амзаллаг напомнил, что фрукты кажутся спелыми, имеют приятную окраску и вкус по одной вполне прозаической причине: чтобы вызвать у млекопитающих желание съесть и переварить их. Косточка или семечко будут очищены под воздействием желудочных соков, перенесены на новое место и выведены из организма вместе с испражнениями, которые станут дополнительным удобрением.

Общество страстно увлеклось проблемой симбиоза в живой природе и тем, как одни биологические виды используют другие. Книги, повествующие о параллельном или перекрестном развитии разных видов, стали неожиданно пользоваться большой популярностью.

«Синергия» — объемный труд профессора Амзаллага, подводящий итог его разысканиям, — долгое время оставался бестселлером и образцом для подобного рода произведений.

Вернулась мода на цветы, растения в горшках, коллекции бабочек под стеклом и наблюдения за природой.

Первое изумление прошло, и человечество, подобное огромному испуганному стаду, вновь успокоилось и перестроило свою жизнь в соответствии с новыми правилами, обеспечивающими сохранение вида.

Теперь, когда все осознали, что массовое бесплодие и странное решение этой проблемы стали нормой, не оставалось ничего другого, кроме как начать жить по-новому.

Первым делом были устроены огромные открытые солярии. Там в послеобеденное время возлежали сотни мужчин, наслаждаясь фильмами, вызывающими эротические фантазии. Правда, фантазии в этой сфере претерпели странные изменения. Большинство представителей сильного пола возбуждалось при виде... букетов. Облака пыльцы окутывали напряженные половые члены светящейся дымкой, привлекая тучи бабочек-монархов. Рядом были сооружены

другие солярии, где послеобеденному отдыху предавались обнаженные женщины (дерево с толстым стволом было самым распространённым образом в эротических фантазиях представительниц слабого пола). Всосав мужскую пыльцу, бабочки перелетали на женщин и помещали переваренные серебристые частицы во влагалища, смазанные сладким нектаром.

Адриан Ольстен стал специалистом по генерации пыльцы и читал лекции о своем особом методе мастурбации.

Жерар Амзалаг заперся в лаборатории с командой ученых, чтобы найти способ улучшить и упростить процесс воспроизводства, взяв под контроль ту ее часть, за которую отвечали насекомые.

Согласно выводам биолога, следовало увеличить привлекательность мужского полового органа, иначе людям постоянно придется соперничать даже с самым мелким гиацинтом или водяной лилией.

Молодому художнику Саше Барацу пришла в голову идея окружить мужской эрегированный член лепестками, так что он стал похож на пестик.

Воодушевившись, другие художники стали экспериментировать с цветом лепестков. Красный действовал лучше желтого, сиреневый — лучше красного. Самой удачной комбинацией оказалось сочетание сиреневых и белых лепестков. Саша Барац создал собственную торговую марку украшений для пениса.

Мужчины начали выставлять напоказ половые органы с красивыми венчиками из сиреневых и белых лепестков со специальными канавками-прожилками, чтобы бабочкам было удобно садиться на них.

Однако для женщин описанная комбинация цветов не работала. Насытившихся мужской пыльцой бабочек привлекали женские половые органы, окруженные не сиреневыми, а оранжевыми лепестками. Сочетание оранжевого и ярко-красного позволяло добиться оптимального эффекта. Саша Барац разработал оранжево-красный орнамент с черной каемкой, который лучше всего привлекал бабочек.

— Если бы раньше кто-то сказал мне, что я буду создавать модные коллекции, которые должны будут нравиться бабочкам! — воскликнул художник во время презентации женских венчиков.

— Если бы раньше кто-то сказал нам, что нас спасут бабочки! — добавил профессор Амзалаг, приглашенный на показ весенней коллекции.

— Если бы кто-то сказал нам, что из наших половых органов будет сыпаться порошок! — подвел итог Адриан Ольстен.

Футбольные стадионы превратились в солярии, где сотни, а затем тысячи людей загорали в шезлонгах в надежде привлечь бабочек. Стайки монархов порхали вокруг, провожаемые нетерпеливыми взглядами.

Спустя девять месяцев женщины рожали детей. В моду стали входить имена, образованные от названий цветов или растений; Роза, Эглантина^[14], Анжелика^[15], Ирис, Майорана, Нарцисса, Жентиана^[16], Анемона^[17], Вероника^[18], Далия^[19], Марена, Мелисса, Мюгетта^[20], Пакеретта^[21], Перванш^[22], Виолетта^[23].

«Цветочные церемонии» постепенно становились привычным элементом повседневной жизни. До одиннадцати часов люди оставались на работе. Затем они быстро ели и отправлялись на длительный послеобеденный отдых в солярий. Солнце, стоящее в зените в середине дня, повышало продуктивность сексуальных актов.

Художник Саша Барац, желая еще более усовершенствовать мужские венчики, предложил дополнить их кружевной каймой с мелким затейливым орнаментом, который по неизвестным причинам повышал привлекательность всей композиции для бабочек. Он объяснил, что

поскольку растения обладают лепестками со сложным рисунком, то и «человеческим цветкам» не стоит от этого отказываться.

Появилась особая сфера искусства, ориентированная на цветочный секс. Позолоченные или багрово-пурпурные лепестки украшали рельефными бороздками или небольшими впадинками круглой формы.

Одновременно претерпевали изменения отношения между мужчинами и женщинами. Непосредственные сексуальные контакты остались в прошлом, и люди становились все более спокойными.

Чувство влюбленности постепенно сменилось особой дружбой, в которой преобладал принцип сотрудничества, исключавший вражду и насилие. Отныне над людьми не тяготел груз стыдливости, морали, брака, семейного долга, им стала неведома боль из-за измены или ухода одного из супругов. Ни один человек больше не принадлежал другому. Само понятие семьи лишилось смысла.

В условиях, когда трудно было определить, кто именно отец ребенка, дети росли под присмотром всего общества, совместными усилиями заботившегося об их удобствах и образовании. Даже матери мало-помалу забыли, что такое чувство собственности в отношении ребенка. Дети принадлежали всему человечеству, и с ними со всеми обращались одинаково.

Новый повод для беспокойства возник тогда, когда число бабочек-монархов стало сокращаться.

Ученые попытались разводить бабочек *Danaus plexippus* в неволе. Но выживание этих насекомых зависело только от одного вида растений — ваточника. Его молочный сок был их единственным источником пищи. Он содержал алкалоиды, терпен и другие сложные по составу вещества, которые невозможно синтезировать в лабораторных условиях.

Со стороны это выглядело следующим образом: теперь жизнь человечества зависела не только от какого-то насекомого, но от насекомого, которое в свою очередь зависело от какой-то травки.

Чтобы сохранить бабочек-монархов и, соответственно, человечество как вид, нужно было целые поля засеять ваточником. Однако хрупкие побеги этого растения оказались очень требовательны к качеству земли. Почва же была лишена многих микроэлементов в результате того, что в древности (преимущественно во II тысячелетии н. э., в эпоху великого разбазаривания сырьевых ресурсов) сельские хозяйства велось интенсивными методами.

Именно на долю профессора Жерара Амзаллага выпало объявить в выпуске новостей о новой проблеме. Если человек хочет обеспечить существование своего рода, ему придется не только спасти один вид насекомых и один вид растений, но также восстановить почву, которой не хватало одного незаменимого микроэлемента.

В результате длительных исследований ученые поняли, что этот микроэлемент не может быть создан искусственным путем. Он возникает только на основе продуктов жизнедеятельности одного определенного вида червей — тигровых червей. А этот вид почти исчез, так как сам нуждался в специфической пище.

В человеческой плоти.

С давних времен люди привыкли хоронить умерших в герметично закрытых гробах. Старая традиция, смысла которой уже никто не понимал. Но когда тело человека оказывалось изолированным от почвы, оно больше не могло стать пищей для червей. И тигровые черви, незаменимые для синтеза необходимого микроэлемента, находились на грани полного исчезновения.

Настоятельно требовалось срочно изменить систему обрядов, связанных со смертью людей. Трупы стали закапывать непосредственно в землю, чтобы тигровые черви могли поедать их

и производить микроэлемент, необходимый для побегов ваточника, которые, в свою очередь, были нужны как пища для личинок бабочек-монархов, незаменимых в процессе воспроизводства людей.

Теперь умерших хоронили полностью обнаженными, в поле, засеянном ваточником, и не обозначали место могилы. При этом произносилась следующая ритуальная фраза: «Вскормленный плодами планеты Земля, ты отныне сам станешь удобрять эту землю».

Так, приняв простое решение о дальнейшей судьбе умерших, человечество вновь встроилось в естественный круговорот веществ в природе, из которого само исключило себя много лет тому назад.

Создание экосистемы, выстроенной вокруг «цветочного воспроизводства» людей, повлекло за собой мутацию всех видов живых существ. Появились новые хищники и новые опылители.

Вскоре ученые решились на то, на что ранее не мог решиться никто: пересадить живые лепестки прямо на человеческую кожу.

Это стало первым этапом процесса, позже получившего название «физиологическая интеграция».

Второй стадией стал запуск программы генетических исследований, которую возглавил профессор Амзалаг. Научные изыскания преследовали цель изменить код ДНК так, чтобы у человека с самого рождения вокруг половых органов появлялись наросты в виде разноцветных лепестков. Так возникло новое поколение — поколение «детей-цветов».

Другим ученым удалось изменить запах пота, чтобы тот стал привлекательным для бабочек-монархов. Мутации происходили и у женщин, чьи гениталии принимали форму, все более удобную для бабочек. И речь шла уже не только о лепестках. Теперь женские груди выделяли сок, питающий *Danaus plexippus*.

Таким образом человечество изменилось — и спаслось.

Много-много позже — через 35 000 лет после первого потомства, полученного при посредничестве бабочки-монарха, — некоторые люди начали превращаться в гибридные создания, сочетающие в себе признаки животного и растения.

Их кровь стала значительно более светлой (смешение багровых эритроцитов и белого растительного сока дало розовый оттенок). Конечности удлинились, становясь похожими на ветви. Форма половых органов изменилась, теперь они напоминали самые разные цветы. Глаза и уши превратились в большие листья, в первую очередь улавливающие информацию, поступающую вместе с солнечным светом. Ноги стали вытянутыми белыми корнями, способными удлиняться в поисках проточной воды и добираться до грунтовых слоев или соседних ручьев.

Человек-растение научился питаться соками той самой земли, по которой до сих пор ходил.

Спустя еще пятьдесят миллионов лет, когда на Землю высадились первые инопланетяне, они не обнаружили там ни одного передвигающегося человеческого существа — только пышные леса цветущих деревьев, покрытых бабочками-монархами вида *Danaus plexippus*.

Инопланетяне так никогда и не догадались, что эти величественные растения продолжали беседовать друг с другом с помощью телепатии. Ведь деревья сохранили память о той эпохе, когда — еще в начале времен — они были животными: непоседливыми, вечно суетящимися и кричащими друг на друга.

Инопланетяне так никогда и не узнали, что каждую ночь, в самые холодные часы, когда растительный сок в стволах тек медленнее всего, деревья видели во сне те времена, воспоминания о которых были спрятаны глубоко в сердце их древесины, в кончиках самых глубоких из их корней...

5. ИСЧЕЗНУВШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(будущее возможное)

Я, археолог, страстно увлеченный загадками мировой истории, всегда верил в легенду об исчезнувшей Великой цивилизации. Я уверен, что очень много лет назад на свете жил загадочный народ, создавший невероятно высокую культуру,

Скорее всего, этот народ познал стремительное развитие и, возможно, в отдельных областях зашел гораздо дальше, чем мы, достиг апогея могущества, а затем пал и исчез так же внезапно, как появился.

Мне бы очень хотелось понять, как целая культура столь высокого уровня развития могла разом исчезнуть, да так, что не оставила по себе ни малейшего следа.

Даже в случае с динозаврами ученым в конце концов удалось установить ход событий. Гигантских рептилий уничтожил метеорит, падение которого привело к возникновению в атмосфере слоя пыли, почти непроницаемого для солнечных лучей, что, в свою очередь, вызвало резкое падение температуры и наступление вечной зимы, к которой холоднокровные существа не сумели адаптироваться.

С этими же созданиями дело обстояло совершенно иначе, и тайна их существования, а затем исчезновения, представлялась мне, молодому археологу, самым дерзким из возможных вызовов. Я с восторгом бросился на поиски разгадки и потратил несколько лет, собирая информацию о загадочной Великой цивилизации.

Я начал исследования с территории собственной страны, но находки, которые я совершил, быстро привели к тому, что я стал путешествовать — до того самого дня, когда обнаружил нечто, показавшееся мне серьезным следом. Тогда я решил организовать крупномасштабную научную экспедицию.

Коллеги открыто насмеялись надо мной, они говорили о беспочвенных фантазиях, о тщеславии, о наивности, свойственной начинающему ученому. Однако после нескольких лет, потраченных на подготовку, мне удалось собрать команду из десятка высокопрофессиональных археологов, каждый из которых специализировался в своей сфере знаний, а также нанять более полусотни носильщиков, нагрузив их съестными припасами и инструментами, необходимыми для ведения раскопок и анализа состава почвы.

Мы отправились в сторону великих Восточных гор. Мы шли долго и перенесли множество ужасных испытаний. Сначала группу поразила эпидемия лихорадки, которая унесла пять жизней. Затем мы неожиданно встретились с племенем горцев. Они приняли нас сперва просто недружелюбно, а затем и с открытой враждебностью — в конце концов нам пришлось защищаться с оружием в руках. Мы потеряли еще нескольких товарищей, причем из числа самых выдающихся членов нашей необычной экспедиции.

Тем не менее мы продолжили восхождение. Я был твердо намерен не отступить ни под каким предлогом. Мать воспитала во мне упорство, и именно благодаря ей я хотел довести это безумство до конца, какую бы цену ни пришлось заплатить.

Холод, истощение, снег замедляли наше продвижение по мере того, как мы поднимались к головокружительно высоким горным пикам. Моральный же дух членов экспедиции непрерывно падал.

И вот настал тот проклятый день, когда один из ученых — угрюмый и молчаливый детина, который с самого начала путешествия каждый вечер тихо ругался в своем углу палатки, — взбунтовал остальных против меня. Он утверждал, что вся эта авантюра обречена на провал и

приведет нас в тупик или, еще хуже, к смерти. Он напоминал о перенесенных невзгодах и жизнях, потраченных зря, во имя бредовой идеи исследователя, страдающего манией величия. Полагаю, он имел в виду меня. Он утверждал, что не существует никакой исчезнувшей Великой цивилизации, что вся эта история — всего лишь сказки для детей. Впрочем, его мнение разделяли далеко не все, так что наша команда быстро раскололась. Две группы выступили друг против друга. Мой противник оказался очень резким на язык типом. Но насилие — последний аргумент глупцов — вновь положило конец всем спорам. Сначала мы обменивались оскорблениями, затем угрозами, потом он ударил меня, и я стал защищаться. Сражение оказалось яростным. Моим сторонникам с трудом удалось одержать победу, часть противников сдалась, часть обратилась в бегство.

Горстка, оставшаяся от нашего маленького отряда, продолжила смертельно опасное восхождение к небесам. Переправа через глубокое ущелье и нападение диких животных стоили нашей доблестной экспедиции еще нескольких жизней, но мы по-прежнему карабкались вверх по склону, становившемуся все более крутым.

Затем у нас под ногами обрушился ледяной мост, и мы нос к носу столкнулись с огромным мохнатым зверем. Мы убили его, но заплатили за это страшную цену — несколько наших товарищей погибли.

Изнурительный поход к заснеженным вершинам, укутанным белесой дымкой, продолжился. Случались, увы, новые мятежи, эпидемии неизвестных болезней, нападения враждебных тварей, встречались пропасти, которые мы замечали слишком поздно.

Через неделю форсированного марша наша исследовательская группа сильно поредела. Из шестидесяти четырех членов отряда, отправившихся в путь, до вершины добрались лишь двое: носильщик и я.

Он сильно кашлял. Однако мы не желали отказываться от цели. Невозможно было даже помыслить о том, что столько жертв принесено напрасно.

Наши запасы пищи и воды уже давно подошли к концу, мы пили растопленный снег и ели лишайник, содранный с гранитных глыб. Мы потеряли много сил, но это не повлияло на нашу решимость идти до конца.

Мы шли еще несколько дней, пока мой спутник не соскользнул в расщелину. Он разбился о её дно и тем самым обнаружил вход, который вел в гигантскую впадину, спрятавшуюся среди скал.

Я осторожно спустился в эту неожиданно обнаружившуюся пещеру. Мой товарищ больше не кашлял. Я быстро похоронил его и продолжил исследования в полном одиночестве. В высоту пещера достигала размеров пятиэтажного здания. На стенах красовались огромные красочные фрески.

Сгорая от нетерпения, я решил взглянуть на них через специальное оптическое устройство, которое один из моих коллег-ученых разработал для этой экспедиции. Отладив фокусировку, я сумел получить общее изображение гигантских фресок — так, будто они были размером с меня. Именно в этот момент я и обнаружил первые признаки того, что некогда ОНИ побывали здесь.

Больше не могло быть никаких сомнений: представители исчезнувшей цивилизации сами изобразили себя на настенных картинах!

От ужаса меня вырвало. Казалось, образы этих невероятных существ взяты из мира кошмаров. Охваченный страхом, я почувствовал искушение повернуть назад, спуститься вниз, вернуться домой. И забыть. Но я остался на месте, очарованный каким-то странным ощущением — своеобразным величием, которое было в этих изображениях, несмотря на их отталкивающий вид. Эти мерзкие создания казались настолько отличными от всего, что нам знакомо. От всего, что мы способны вообразить. Начнем с их роста. По моей оценке, размерами они превосходили

нас раз в десять. Слово «великаны» применительно к нарисованным созданиям казалось смехотворным. Это были Титаны.

Передо мной находилось доказательство того, что они действительно существовали.

О детских байках больше не могло быть и речи, что бы об этом ни думали мои покойные коллеги (пусть земля им будет пухом) и скептики всех мастей.

Никто не смог бы добраться сюда и создать подобные фантазмагорические изображения.

Я детально изучил фрески с помощью оптического устройства. Каждая мелочь в них потрясала. Цвета, формы, позы. Лишь головы нарисованных существ имели весьма отдаленное сходство с нашими. Смутно угадывались два глаза, рот, дыхательные отверстия.

Все остальное внушало ужас и вызывало трепет. Как будто природа была пьяна в день создания этих тварей и бросила дерзкий вызов остальным видам жизни. Гнусный вызов красоте и гармонии.

Обнаружив пищу (грибы и съедобные корешки, в изобилии произраставшие тут), я решил продолжить исследования. Туннель, столь же широкий, сколь и высокий, вывел меня к некоему подобию лестницы невероятных размеров, вырубленной, разумеется, самими Титанами прямо в толще скалы.

Я спускался несколько дней — и вышел к черному городу, выбитому в камне у подножия горы и состоящему из жилых зданий, предназначенных для гигантских пещерных обитателей. Каждая постройка тянулась вверх на несколько этажей.

Напряжение моих чувств достигло пика. Я трепетал. Наступило осознание того, что мне, невзирая на перенесенные испытания, удалось осуществить. Я заставил себя глубоко вздохнуть — и подумал, что сам еще не понимаю всей важности совершенного открытия.

Я обнаружил тайный город из древних легенд. ИХ ГОРОД. Он тянулся ввысь прямо перед моим изумленным взором.

Вне себя от возбуждения, я продолжал двигаться вперед. И на повороте одной из их «улиц» уперся в нечто, напоминавшее памятник.

На самом деле это был скелет.

Искривленные белесые трубки устремлялись кверху пещеры, как у современных скульптур. Расположенный вертикально шест, к которому крепились закругленные кости со сквозным отверстием внутри, напоминал колонну с отростками. Челюсть округлой формы дополнялась сочленением под таким углом, который позволял открывать пасть очень широко. Из моих первых наблюдений следовало, что это существо обладало прикусом феномальной силы.

Я произвел замеры, собрал драгоценные образцы, сделал заметки и эскизы, испытывая священный трепет ученого, приблизившегося к концу своих исследований.

Целых шесть месяцев я оставался под землей — один в огромной пещере, — чтобы изучить их город. Кладбище чудес, полное сокровищ для пытливого ума. Я не хотел бросать мое открытие, не поняв, кем же были эти создания, как они жили и в чем ошиблись, ведь они все-таки исчезли.

Новейшие технологии помогли мне расшифровать их письменность. В конце концов я стал понимать слова. Затем они начали складываться в фразы. Соединив их, я сумел выделить абзацы. Перечитав каждый из них сотни раз, я постепенно постиг логику их построения и добрался до смысла.

Итак, много веков тому назад Титаны царили на поверхности нашей планеты.

Они достигли исключительного уровня развития науки и духовности. Они владели исчерпывающими знаниями в сфере сельского хозяйства, животноводства, градостроительства и прокладки дорог. Они создали особо утонченное искусство. Они были способны общаться друг с другом на большом расстоянии. Они умели летать под облаками. Они даже могли

путешествовать между звездами и погружаться в глубины океанов.

По мере того как мне открывалась суть Титанов, я стал находить их прекрасными.

Численность этих созданий постоянно росла, и начался период упадка, во время которого они беспрестанно воевали друг с другом. Несмотря на высокий уровень развития, основополагающее правило «саморегуляции численности потомства в зависимости от энергетических запасов среды обитания», судя по всему, оказалось Титанам неведомо.

Они потерпели неудачу в том, в чем преуспели миллионы примитивных биологических видов: в регулировании собственного демографического роста. Тем самым они нарушили хрупкое равновесие с природой, которая кормила их и давала им место для жизни.

В результате, истощив пищевые запасы и разрушив свою среду обитания, Титаны в конце концов передрались между собой.

Их разум теперь был направлен на средства ведения войны, и это привело к самым опустошительным разрушениям. В первые же годы междоусобных конфликтов они, будто объятые неистовой жаждой самоуничтожения, сожгли леса и предали огню сельскохозяйственные культуры и домашний скот. Титаны умышленно отравили воздух и воду, надеясь получить преимущество над страшными врагами, которыми были их собственные братья. Болезненное самолюбие и надменность ослепили их. Противостояние приобрело такие масштабы, что у Титанов не оставалось ни малейшего шанса выжить на поверхности планеты.

Тогда они принялись возводить подземные города. Они использовали фильтрованные воздух и воду — и считали, что здесь они в безопасности.

Однако ни агрессивность, ни стремление к разрушению все еще не были утолены. И войны продолжились под землей. Титаны закапывались в толщу планеты все глубже и глубже, так что вскоре их потомки уже не знали, что такое свет солнца.

Но они приспособились и к этим условиям: они создали новые сельскохозяйственные культуры — грибы и корешки. Те самые, что составляли мой ежедневный рацион на протяжении долгих месяцев исследований.

Жизнь под землей привела к изменениям в строении тела Титанов. Раньше они были двуногими созданиями с вертикальной осанкой, теперь же сгорбились, чтобы передвигаться по низким туннелям. И постепенно превратились в четвероногих существ, ползающих по коридорам колоссальных подземных городов, спроектированных так, чтобы защитить их от атак соплеменников. Они сконструировали сухопутную разновидность подводных лодок — «подземники», передняя часть которых оснащалась землеройными механизмами, способными прокладывать туннели с огромной скоростью.

И Титаны вновь начали воевать, посылая во врагов смертоносные торпеды, прогрызавшие скалы. Фрески подробно изображали грандиозные сражения между целыми армадами «подземников», обменивающихся залпами земляных торпед.

Чтобы защититься от этих убийственных механизмов, Титаны постоянно уходили глубже в земную кору, прокладывая туннели и строя новые подземные города.

Они больше не переносили света, холода, свежего воздуха. Их кожный покров стал совсем белым, глаза обрели способность видеть в полной темноте, как у некоторых видов кротов.

Устройство их общества также претерпело изменения. Титаны распределились по кастам в соответствии с морфологическими особенностями организма. Более низкие создания заботились о нуждах потомства. Более высокие вели войны.

Каждый город выбирал одну тучную самку и назначал ее хранительницей рода, отвечающей за воспроизводство себе подобных. Она решала, нужно ли рожать детей. И производила на свет столько новых Титанов, сколько было необходимо для восстановления равновесия в обществе, исходя из размеров места обитания, числа солдат, призванных обеспечить его защиту, и запасов

пищи. Это было удачным решением вопроса, вызвавшего столько проблем, но решение это слишком запоздало.

Озлобленность Титанов не уменьшалась. Братоубийственные войны под землей продолжались, и эти четвероногие создания в конце концов полностью истребили сами себя, пустив по туннелям отравленный газ. Население городов, запертое под землей и лишенное возможности быстро заменить весь объем используемого воздуха, не имело шансов уцелеть.

Так они и исчезли все до единого, уничтоженные ненавистью к себе подобным.

Обнаруженный мной город возник в результате отчаянной попытки создать убежище не в земных глубинах, а на вершине, под самым высоким пиком горного массива, расположенного на востоке планеты. В условиях строжайшей тайны. Эта идея на некоторое время обеспечила обитателям города безопасность, но в результате предательства, совершенного одним из них, война добралась и сюда, покончив с местными Титанами, как и со всеми остальными.

Я ошалел от обилия информации, прочитанное ошеломило меня. Неужели народ с таким высоким уровнем развития и утонченной культурой может в конце концов вложить все имеющиеся дарования в проект по собственному уничтожению в планетарном масштабе? Но мне была хорошо понятна причина этого явления. Они должны были ненавидеть себе подобных до белого каления.

Впрочем, самое потрясающее открытие еще ждало меня впереди.

Однажды, блуждая по этому гигантскому кладбищу в стремлении понять тайну полного исчезновения не только цивилизации, но целого биологического вида, я обнаружил, судя по всему, один из их музеев. Место, где были выставлены предметы и даже книги эпохи золотого века Титанов — времени, когда они еще жили на поверхности планеты.

Увиденное здесь заставило меня содрогнуться. В одном из текстов приводилось недвусмысленное описание другого биологического вида... Нас. Они говорили о нас. Они даже изображали нас на своих схемах и рисунках. Мы их интересовали! Итак, сколь бы удивительным это ни показалось, некогда два наших вида сосуществовали!

Мои предки и их предки знали друг о друге!

Они жили вместе.

Или, по крайней мере, бок о бок.

Они видели друг друга. Они наблюдали друг за другом.

Исходя из легенд и комментариев Титанов, я смог сделать вывод, что, с их точки зрения, мы были... мелкими, ничтожными существами.

Мы им не нравились.

Они называли нас термином, который, если передавать его привычными для нас звуками, произносится как «муравьи».

Чтобы «разобраться с нами», то есть уничтожить, Титаны даже изобрели ядовитые газы. Они называли их «инсектицидами».

Зачем же они хотели убить всех наших предков? Размышляя над ничтожной частью текста, которую мне удалось перевести, я в конце концов смог понять причину. Они боялись, что мы, «муравьи», украдем у них пищу!

Они считали, что земля производит свои фрукты и овощи исключительно ради них — Титанов, повелителей планеты. И думали, что все, включая природные материалы, безраздельно принадлежит только им.

Они видели в нас даже не врагов или соперников, но всего лишь... паразитов.

Они желали стереть нас с лица земли, но, по иронии судьбы, использовали те же самые «газы-инсектициды» для самоуничтожения.

Какая насмешка!

Так кончают свое существование высокомерные цивилизации, презирующие соседей из-за их роста или особенностей внешнего облика.

Таков был секрет исчезнувшей Великой цивилизации Титанов.

Теперь, после такого открытия, мне оставалось принять решение.

Должен ли я сообщить миру о факте их существования? Или мне следует скрыть все, что я узнал?

Принимая во внимание, что мои собратья по науке никогда не поверят моему рассказу, и опасаясь сойти за безумца, а также учитывая последствия подобного открытия, я решил молчать.

Однако мне не хотелось, чтобы все страдания, жертвы, проделанная работа оказались напрасными, поэтому я взял на себя ответственность завещать моему потомку — тебе — этот секретный отчет, равно как и эскизы, переводы и планы, выполненные за долгие месяцы исследований.

Ты, читающий эти слова, знай, что в прошлом на Земле существовала другая развитая цивилизация. Биологический вид титанических по размеру существ, быстро появившийся и столь же стремительно ушедший в небытие.

Согласно моим расчетам, если возраст нашего вида составляет около 100 миллионов лет, Титаны появились более 3 миллионов лет назад и исчезли примерно пятьсот тысяч лет назад.

Это были гигантские, но хрупкие создания, существа, чье присутствие на нашей планете оказалось недолговечным, эгоистичные твари, не понимавшие правил игры, которую сами начали.

Еще одна деталь: своими усиками я сумел расшифровать в их письменных текстах, что они называли себя странным термином, который нашими звуками можно передать как «люди».

6. УБИЙСТВО В ТУМАНЕ (прошлое вероятное)

Место действия — провинциальный город. Возраст рассказчика — 22 года.

Единственное убийство, которое мне по-настоящему довелось расследовать, оказалось весьма странным. Это произошло в июле 1983 года, когда я работал репортером в одной местной газете. Мне было двадцать два года, а стажировка в провинциальном городке досталась мне по ходатайству парижского Института журналистики, в котором я учился.

Не успел я представиться, как Жан-Поль, главный редактор, поручил мне подготовить срочный репортаж с места событий, чтобы посмотреть, что я смогу сделать, если пустить меня по горячим следам.

Тем утром городок тонул в густом тумане. Я отправился на вокзал: при моем появлении полиция тут же заставила толпу зевак разойтись, чтобы «господин журналист мог выполнить свою работу». Я был смущен и взволнован. Как-никак, моя первая профессиональная фотосъемка.

Инспектор — флегматичный, коротко стриженный молодой человек, одетый в черную кожаную куртку, — провел меня к плакату, на котором — жуткое зрелище — висела окровавленная женская рука. То, что я увидел, вызывало настоящий шок. Можно было даже различить желтый осколок кости, торчащий из рукава. На забрызганном кровью рекламном щите виднелась надпись: «ВНИМАНИЕ! ЗА ОДНИМ ПОЕЗДОМ МОЖНО НЕ ЗАМЕТИТЬ ДРУГОЙ».

Инспектор Жислен по-свойски двинул меня по плечу и сказал, кивнув в сторону мрачной картины:

— Похоже, эту фотографию нельзя будет показывать публике. Она сгодится только для моих приятелей-сослуживцев. «За одним поездом можно не заметить другой» и отрезанная рука — прикольно, правда?

Я сглотнул, борясь с тошнотой.

Жислен объяснил, что произошло. У проблемы оказалась политическая подоплека: в городке с населением 50 000 человек мэрия принадлежала правым, а в Национальном обществе железных дорог командовали левые, которые уже несколько лет затягивали работы по прокладке пешеходного перехода под железнодорожными путями. Своеобразная манера влиять на голоса избирателей. Пешеходам приходилось пересекать пути, глядя сначала в одну сторону, а затем в другую, как при переходе через улицу. Однако люди быстро потеряли привычку вести себя осторожно, а поезда двигаются почти бесшумно. Результат: в среднем этот вокзал выдавал по трупам раз в два месяца.

На этот раз мальчик не глядя переходил железнодорожные пути, как раз когда локомотив давал задний ход. Какая-то женщина бросилась спасать ребенка. Мальчик успел проскочить перед самым поездом — но не женщина. Состав налетел на нее на полной скорости. Удар был страшным. Оторванная рука отлетела в сторону и повисла на плакате.

Я сделал снимки, чувствуя тошноту и сильное головокружение. Затем написал свою первую статью, в которой изложил обстоятельства несчастного случая на железной дороге и призвал читателей внимательно осматриваться перед тем, как переходить пути на вокзале. Фотографию газета не напечатала, но мое боевое крещение состоялось.

После этого моя жизнь наполнилась рутинной. Рано утром я завтракал у квартирной хозяйки,

девятиностовосьмилетней мадам Виолетты: растворимый кофе, разведенный кипятком из пластикового чайника, и вафли с сахарной начинкой — фирменное блюдо региона.

Госпожа Виолетта была симпатичной пожилой дамой, маленькой и сгорбленной, жившей в древнем доме. От нее сильно пахло лавандой. Она подкармливала соседку, мадам Фижеак, еще одну девятиностолетнюю старушку, обитавшую на третьем этаже соседнего дома. Мадам Виолетта передавала ей продукты в привязанной за веревочку плетеной корзинке, которую поднимала к соседскому окну с помощью блока со шкивом. Мадам Фижеак не выходила из дома. Она жила там вместе со своими кошками, а ее дверь настолько разбухла от старости, что просто уже не открывалась. Вот уже десять лет никто не приходил к мадам Фижеак в гости. Во второй половине дня мадам Виолетта часами разговаривала с ней по телефону. Спустя пять лет я узнал, что после смерти мадам Виолетты никому не пришло в голову позаботиться о мадам Фижеак. В результате через несколько дней та умерла от голода, а затем жившие у нее кошки (тридцать одна!) сожрали ее тело. Прошел почти месяц, прежде чем соседи, почувствовав неприятный запах, удосужились вызвать пожарных.

Позавтракав, я мчался в редакцию. В «агентстве» нас было семеро, но как говаривал главред: «Информацию лучше всего собирать внизу, в бистро. Остаешься на хозяйстве, о'кей? Если будут проблемы, ты знаешь, где нас найти».

Итак, шестеро коллег с первых же дней оказали мне настолько большое доверие, что разрешили самому писать тексты для четырех страниц местной хроники, ежедневно повествующей о событиях провинциального городка. Я начинал около девяти утра, со свадеб. Один снимок, фамилии новобрачных, бокал шампанского, несколько рукопожатий, пожелания счастья. Машина. Следующая свадьба.

Затем, примерно с одиннадцати, следовали в строгом беспорядке: реконструкция церковной колокольни, дорожно-транспортные происшествия, самоубийства бездомных, открытие летнего лагеря для детей, выезды со спасателями, уничтожающими осиные гнезда или снимающими кошек с деревьев, интервью с какой-нибудь бывшей знаменитостью — певцом или эстрадным артистом, дающим гастроли в провинции, конкурс на самую большую тыкву, ремонт дома престарелых... и возвращение в редакцию, чтобы написать очередную заметку.

Каждое утро мне звонил мэр городка, чтобы узнать мои планы на день и, подсуетившись, тоже попасть на фотографии. Он надеялся, что таким образом у читателей нашей ежедневной газеты сложится впечатление, что их избранник вездесущ и работает не покладая рук.

Наблюдатель изменяет то, за чем наблюдает.

Я косвенно влиял на деятельность мэра, а значит, и на жизнь города. Я способствовал продвижению проектов в сфере культуры, не пропуская ни одной выставки картин, ни одного спектакля или концерта, которым, ни с того ни с сего, тут же оказывало честь своим присутствием первое лицо города.

Я обожал свою профессию.

Казалось, что я обладаю реальной властью и приношу пользу обществу.

Главный редактор Жан-Поль слегка охладил мой пыл:

— Смотри не перетрудись. Мало кто читает статьи, большинство только разглядывает заголовки, фотографии и подписи к ним. Иногда люди отваживаются пробежать глазами первые строки, но крайне редко добираются до конца заметки. И главное: никогда не забывай, что самая читаемая рубрика — это некрологи. И прогноз погоды. Мертвые старики и облака — вот что больше всего заводит людей. На третьем месте футбол. Особенно матчи между районными командами.

После этого ко всему начинаешь относиться проще.

К шести вечера, завершив подготовку репортажей с места событий, я возвращался в свой

кабинет и здоровался с Матильдой, машинисткой, принимавшей телефонные звонки, — блондинкой с внушительными формами. Склонная к легкой паранойе, Матильда с утра до вечера плела интриги. Это было для нее смыслом жизни. Время от времени она отправляла анонимные письма примерно следующего содержания: «Ваш муж спит с вашей лучшей подругой». Подпись: «Милашка, которая видит все». Жан-Поль рассказал, что ее уже вычислили по почерку и другим уликаам и это кончилось несколькими скандалами между женщинами и драками с выдиранием волос у входа в редакцию. Я сам несколько раз заставлял Матильду за тем, что она прилежно выводила буквы, пытаясь придать палочкам и завиткам иной наклон и конфигурацию.

Итак, в шесть вечера машинистка передавала мне список скончавшихся накануне. Я перепечатывал его с дополнениями по просьбе родственников: кавалер ордена Почетного легиона, президент Ассоциации игроков в боулинг, почетный член Академии любителей пива.

Завершался мой рабочий день звонком в метеослужбу Франции, чтобы выяснить прогноз погоды на завтра.

А затем произошло убийство.

Я помню тот день. Туман был гуще, чем обычно. Я брал интервью у лилипутки — мадам Розелины, актрисы передвижного ярмарочного балагана. Восседающая на энциклопедии, которая лежала у меня на столе, она объясняла мне, что глубоко презирает карликов, поскольку ее слишком часто путают с ними.

— Лилипуты сложены пропорционально, — разглагольствовала она, показывая мне свои кукольные ручки, — а у карликов чрезмерно большие руки или ноги. Тут и сравнивать нечего! Вы должны обязательно написать об этом, пусть люди знают правду!

Розелина была очень словоохотлива. Она говорила каким-то странным резким голоском и рассказала, что лилипуты происходят из отдаленного лесистого уголка Румынии, который долгое время оставался неисследованным. В 1900 году на парижской Всемирной выставке все они собрались вместе. Теперь же в мире их осталось не больше сотни. Розелина рассказала, что уже третий раз замужем и гордится дочерью, выступающей в Японии в театральной труппе, которая состоит исключительно из лилипутов.

— Японцам нравится все, что небольшого размера, — пояснила она. — Возможно, именно поэтому они изобрели плеер — миниатюрный Hi-Fi^[24]-магнитофон. Судя по всему, у них все маленькое. Кстати, моя вилла на Лазурном Берегу разделена на две половины. Одна предназначена для гостей, то есть людей со стандартными пропорциями, — потолки высотой 2,5 метра и все в таком роде. А на другой половине я принимаю своих друзей-лилипутов, и там высота комнат 1,5 метра.

Жан-Поль ворвался в мой кабинет. Бросив удивленный взгляд на маленькую женщину, восседающую на столе, он крикнул мне:

— Утопленник в канале! Съезди туда.

Я проводил лилипутку к ее телохранителю. Она попросила меня проверить, нет ли поблизости собак, и объяснила, почему так боится ходить одна по улицам. Однажды она попала на глаза немецкой овчарке, которая схватила ее в зубы и промчалась с добычей несколько сотен метров.

— Не знаю, способны ли вы представить себе, что значит оказаться в пасти огромной сторожевой собаки, болтаясь в нескольких сантиметрах над землей, но могу сказать вам, что я действительно очень испугалась. Именно поэтому я и наняла Тибора. Тибор!

Высокий широкоплечий усач поднял ее на руки, как берут ребенка, и понес к огромному и роскошному черному седану. Я попросил их задержаться на мгновение, чтобы сфотографировать

Тибора с Розелиной на руках, — вдруг кто-нибудь не поверит, что лилипуты существуют на самом деле? Прежде чем расстаться со мной, Розелина протянула маленькую ручку в приоткрытое тонированное окно и вручила визитку:

— Если хотите, можете навестить меня на ярмарке, но будет гораздо лучше, если вы приедете вот по этому адресу — в мой дом на Лазурном Берегу. Поужинаем вместе. Сами увидите, я прекрасно готовлю.

Я вернулся в кабинет, чтобы захватить ультрасветочувствительную фотопленку (не люблю пользоваться вспышкой), и отправился выяснять обстоятельства гибели утопленника.

На место происшествия уже прибыли спасатели. Жертвой оказался семилетний мальчик, некий Мишель. Его тело лежало на носилках, накрытое одеялом. Командир отряда спасателей сообщил, что смерть наступила несколько часов назад. Взглянув на погибшего, я заметил следы веревки на запястьях.

— А, это... — сказал спасатель. — Его нашли в большом мешке для мусора со связанными за спиной руками.

— Значит, это преступление?

— Это не нам решать. Обращайтесь к полиции, — ответил городской служащий.

Через несколько минут я уже был в полицейском участке, в комнате для отдыха, где инспектор Жислен с коллегами коротал свободное время. Стены здесь были сплошь оклеены плакатами с обнаженными девицами. Посреди высилась стойка с пивными кранами, обеспечивающими «хорошую атмосферу». Сбоку висели мишень для дартса и телевизор для просмотра спортивных передач.

Инспектор Жислен рассказал, что ребенок, судя по всему, действительно стал жертвой убийства. У инспектора, по его словам, даже были некоторые соображения о личности убийцы, но в тот момент он предпочел не делиться ими.

Не успел я вернуться в редакцию, как обнаружил адресованное мне анонимное письмо.

«Убийца Мишеля — его мать Иоланда. Если вы мне не верите, спросите у ее брата».

Письмо было написано корявым почерком. Неуклюжие печатные буквы едва не процарапали бумагу. Но это не был почерк Матильды. За первым письмом последовали другие с тем же сообщением: «Мальчика убила его мать».

Меня охватил азарт детектива-любителя, и я решил провести собственное расследование. К счастью, свидетелей было предостаточно, и они щедро делились информацией. Я чуть не захлебнулся от обилия улики и свидетельских показаний. Все знали всё. И все обвиняли мать.

Кое-кто даже рассказал мне, что она уже пыталась убить сына, однако ее брат чудом сумел его спасти. Я отправился к дяде убитого мальчика; тот подтвердил, что действительно нечто подобное уже имело место, и сожалел, что на этот раз не смог вовремя вмешаться.

— Как продвигается расследование смерти маленького Мишеля? — спросил меня главный редактор.

— Идет своим чередом, идет своим чередом.

Шеф жестом выразил мне свое одобрение и сообщил, что спускается в бар к остальным коллегам. Впрочем, он пригласил меня пропустить кружку восхитительного вишневого пива, которое так ценили в нашей редакции (особенно в сочетании с картофелем-фри и знаменитыми сочными сосисками местного приготовления, которые брызжут горячим жиром, стоит их надкусить). Но у меня еще были дела.

Через час я звонил в дверь Иоланды, матери маленького Мишеля. Она жила в скромном домике возле канала, в котором обнаружили тело ребенка. Ей было около сорока лет, и она выглядела довольно красивой в черном платье, надетом в связи с печальными обстоятельствами. Иоланда пригласила меня войти и предложила сесть. Стены были оклеены старомодными обоями в цветочек, кресла обиты бежевым бархатом. Там и тут висели пейзажи с закатами в оранжевых и сиреневых тонах. На полочке была расставлена коллекция забавных кукол в костюмах народов мира.

Испытывая некоторую неловкость, я объяснил, что хотел бы выяснить обстоятельства смерти ее сына.

Она открыто посмотрела на меня и ответила:

— Да, конечно, я понимаю.

Иоланда смотрела прямо на меня. У нее были голубые глаза с сильно накрашенными веками.

— Понимаете, месье, я сделала то, что должна была сделать. У меня двое детей, два мальчика, и совсем нет средств, чтобы содержать обоих. Нужно было сделать выбор, а учитывая то, что никто не мог сделать его вместо меня... я предпочла сохранить другого ребенка. Может быть, потому, что он симпатичнее. Я имею в виду внешность.

Она сказала это так, словно речь шла о выборе автомобиля.

Я же почувствовал себя одновременно ошеломленным и разочарованным. Ведь я ожидал хоть какого-то сопротивления, вранья, попыток толкнуть меня на ложный след. Но подозреваемая сразу созналась во всем, и заранее продуманный план беседы пошел прахом.

Иоланда угостила меня шоколадными пирожными из супермаркета и великолепным кофе — настоящим, а не растворимым — в фарфоровых чашках. Мы продолжили разговор. Она спросила, нравится ли мне город. Я ответил, что работать здесь — совсем не то же самое, что в Париже.

— Журналист здесь, у вас, — это настоящая связь между людьми.

Иоланда стала хлопотать, выясняя, сколько сахара мне положить. Во всем этом было что-то нереальное. В голове у меня зазвучал сигнал тревоги. Неужели она не отдает себе отчета в том, что, признаваясь в убийстве собственного сына, рискует оказаться в тюрьме? Она выглядит совершенно спокойной, даже не пытается изобразить горе или скорбь. Есть лишь немного любопытства к незнакомому человеку, который нанес ей визит и которого она вежливо принимает у себя в гостях.

Иоланду, казалось, очень интересовала моя профессия и то, чем я занимаюсь. И я произнес идиотскую фразу:

Могу я попросить фотографии для статьи?..

Она с пониманием кивнула. И предложила мне несколько снимков маленького Мишеля:

Вот здесь он больше улыбается, а вот на этом — он в своем любимом красном свитере. Не знаю, что теперь делать с его игрушками. О, я отдам их другому ребенку.

— А, э-э... Можно вас сфотографировать?

Иоланда согласилась так, как будто всегда мечтала увидеть себя на страницах газет:

— Конечно! Разумеется!

Она попросила дать ей немного времени, чтобы «привести себя в порядок» в ванной комнате.

— Лучше всего я получаюсь вот в этом ракурсе. Если я, конечно, могу вам советовать...

Иоланда повернула голову, улыбнулась и стала принимать разные позы, некоторые из которых выглядели довольно вызывающе. Возможно ли, чтобы это была та самая женщина, мать, которая связала руки собственному ребенку, засунула его в мешок для мусора и выбросила в

канал?

Проводив меня до дверей, женщина попрощалась и предложила приходить когда вздумается, чтобы слегка перекусить и поболтать о моей страсти к журналистике.

Я вышел из дома Иоланды с ощущением тошноты отвращения, и это чувство было гораздо сильнее, чем тот день, когда я увидел оторванную женскую руку.

Я вернулся в издательство, чтобы написать статью. К вечеру глаза у меня так уставали, что я предпочитал не зажигать ярких ламп дневного света. Размышляя, я обычно расхаживал по полутемным коридорам здания. Во время одной такой прогулки моя нога с чавканьем погрузилась в какую-то мягкую массу, и я едва не упал.

Первое, о чем я подумал, был пакет с помидорами, но тут пакет заговорил:

— А, это ты...

Жан-Поль. Он был настолько пьян, что не держался на ногах. Главный редактор полз по полу, как гигантский слизняк.

«Я только что наступил на человека! Более того, на своего начальника...»

Ощущение было странным. Моя нога еще стояла у него на животе, когда снизу донеслось:

— Ты все статьи отправил?

— Э-э... я как раз занимаюсь этим, — пробормотал я, проворно убирая ногу.

— Что ж, ладно. Ты хорошо работаешь. Тебя здесь, похоже, все ценят. Ну, я бы сказал, ценят достаточно для человека не из нашего города.

— Спасибо.

От него сильно разило дешевым пивом. Причем вишней там и не пахло.

— Я бы хотел поговорить с вами о расследовании смерти маленького Мишеля, — заявил я.

Главред приподнялся и попытался встать на четвереньки, но ему это не удалось. Я протянул ему руку, чтобы помочь, однако после еще одной бесплодной попытки он предпочел остаться на ковре. Жан-Поль сумел лишь выговорить следующее:

Это может подождать до завтра, правда?

Погода на следующий день выдалась на славу. Жан-Поль принял меня в своем большом кабинете. Ничто в облике шеф-редактора не напоминало о том, как пьян он был накануне. Длинными аристократическими пальцами он вытащил сигарету и щелкнул зажигалкой:

— Твоя статья о лилипутке очень удачна. Я, например, до этой заметки и не подозревал о существовании лилипутов. Я путал их с карликами и даже полагал, что все это легенда из книжки Свифта. Ты пишешь, что у нее есть дом, построенный специально для нее. Но ведь это должен быть кукольный домик?

— Я бы хотел поговорить с вами об убийстве маленького Мишеля.

— Ах да, конечно. И до чего ты докопался?

— Ну... как бы это сказать... полагаю, я нашел убийцу.

— Прекрасно. И кто же это?

— Его мать, Иоланда. Она уже однажды пыталась его убить. Я говорил с полицейскими и могу восстановить ход событий. Она сама призналась мне, что вынуждена была выбрать одного из двух детей и предпочла сохранить того, кто ей казался симпатичнее.

Он пристально взглянул мне в лицо, приложив палец к губам.

— Я уже написал статью. В ней изложены все подробности моего расследования.

Главред пожелал ознакомиться с ее содержанием. Я протянул ему шесть листков с текстом, фотографии маленького Мишеля, его матери и дяди и места, где было обнаружено тело.

Жан-Поль покачал головой, как врач, который начинает догадываться о сложном диагнозе. Он прочитал статью, рассмотрел фотографии и, улыбнувшись, посмотрел на меня:

— Ты ведь не думаешь, что это напечатают?

Сам я никак не мог решиться говорить ему «ты».

— Вы считаете, что собранные мной факты ничего не стоят?

— О нет, тут все в полном порядке. Ты замечательный сыщик, просто Шерлок Холмс.

— Вы считаете Иоланду невиновной?

— Что ты, тут нет никаких сомнений: она действительно убила сына. Более того, сделала это преднамеренно.

Я прикусил губу:

— Тогда в чем же дело?

Улыбка главреда стала еще шире.

— Проблема в том, что ты не отдаешь себе отчета в том, какой эффект произведет подобная статья. Как по-твоему, что произойдет, если мы ее опубликуем?

— Эту женщину арестуют и будут судить.

— Да. А потом?

— Она отправится в тюрьму. — Я пытался понять, что же не так, и высказал одно предположение: — Вы хотите сказать, что тогда пострадает второй ребенок, которого лишат матери, да?

— Нет.

— Но что тогда? В чем загвоздка?

Он долго качал головой.

— Ты хочешь, чтобы у тебя на совести были убийства?

— Я не понимаю...

— Ну хорошо. Если уж тебе все надо разжевать... Эта женщина сказала, что убила сына, потому что ей не хватало денег на содержание двоих детей. Ей пришлось сделать выбор, правильно?

— Совершенно верно. Она именно так и сказала: «Я выбрала более симпатичного».

Жан-Поль замер, как преподаватель, который надеется, что ученик сам отыщет ответ.

— Думаю, ты догадываешься, что Иоланда — не единственная женщина, оказавшаяся в подобной ситуации. Есть десятки, даже сотни матерей, у которых слишком много детей и слишком мало средств, чтобы их прокормить. Они не сделали вовремя аборт, позволили своим отпрыскам появиться на свет и теперь не знают, что с ними делать. До них постепенно доходит: чтобы поправить свое положение, нужно, говоря языком экономики, «ликвидировать помехи». Ты следишь за моей мыслью?

— Гм...

— Но они не понимают, как за это взяться. Потому ничего и не делают. Даже если очень этого хотят.

Я молчал.

— Этот мир не так прост, как выглядит по телевизору, в кино или в газетных статьях. Людям говорят то, что они хотят слышать, и это далеко не всегда правда.

— То есть... — начал я.

— Очнись, приятель. Нет никакого материнского инстинкта, это всего лишь трюк, который придумали рекламщики, чтобы продавать присыпки, памперсы и прочее барахло! Врожденная материнская любовь... Что за бред! Но именно потому, что ее нет (равно как и Деда Мороза), люди после двадцати пяти лет начинают посещать психотерапевта. Моя мать меня не любила. Вероятно, то же самое можно сказать и о твоей матери. Они не любили нас, но не решились убить. Наверное, потому, что их останавливали те самые «технические трудности». И в этом вся разница между маленьким Мишелем и нами.

Я пристально смотрел на главного редактора. Он совершенно не походил на человека, находящегося под влиянием алкоголя. Наоборот, мне показалось, что он демонстрировал исключительную ясность ума. В его словах не было ни капли иронии — лишь констатация факта, признание печальной действительности.

— Я все-таки не до конца понимаю, к чему вы клоните...

— Что ж, давай будем называть вещи своими именами. Иоланда нашла выход из ситуации, чтобы больше не мучиться со старшим сыном. Эту историю ни в коем случае нельзя публиковать, иначе... хм... другие матери тут же сделают что-то подобное.

Воцарилась тишина. Я был потрясен.

— Видишь ли, все дело только в воображении. Другие матери просто не додумались использовать большой мешок для мусора и канал. Иоланда изобрела свой, особый способ решения проблемы, которую я бы назвал широко распространенной.

Оторопев от услышанного, я по-прежнему молчал.

— Возникает только один вопрос: стоит ли подкидывать другим матерям идею, как избавиться от лишних детей? Ты должен понимать, что после публикации твоей статьи у Иоланды наверняка появятся подражатели.

Я ущипнул себя, чтобы очнуться, избавиться от этого кошмара.

— Вы что же, хотите сказать, что это преступление, если забыть о том, насколько оно чудовищно, является оригинальным изобретением?

Жан-Поль вздохнул:

— Совершенно верно. Если выпустить эту статью в ее нынешнем виде, погибнут и другие дети. По твоей вине. Если же статья станет более нейтральной, они останутся в живых.

Я уставился на него, не решаясь понять то, что он сказал.

— Знаешь, в фильмах и романах людям преподносят симпатичный, удобный мир, устроенный в соответствии со строгими правилами, — логичный мир, в котором есть добрые и злые. А потом мы встречаемся с *реальностью*. — Это слово он произнес каким-то странным тоном и пальцами изобразил кавычки. — В *реальности* преступники редко попадают в тюрьму. — Он затянулся и аккуратно выпустил табачный дым. — И может быть, это даже лучше для всеобщего спокойствия.

— Но... как же жертвы?

— Жертвы? Пусть катятся ко всем чертям!!!

Он выпалил это так яростно, будто говорил о чем-то глубоко личном, о том, что он пережил на собственном опыте. Что это была за тайна?

— Жертвы не воскреснут от того, что их мучители попадут в тюрьму. Так что давай думать об общественном благе, прежде чем нам приспичит во что бы то ни стало выступить в роли поборников справедливости. Счастливого конца не бывает. Бывает только реальный конец.

Жан-Поль посмотрел на меня, как учитель, который только поделился с учеником великим откровением.

— Так что же мне делать? — спросил я, собирая свои листки и фотографии. Теперь они стали ненужными.

Шеф сделал неприличный жест и стал раскладывать фотографии как карты:

— Ага, вот эта очень хороша. Симпатичный маленький Мишель в красном свитере. Ты даешь снимок мальчика, пишешь под ним его имя и фамилию и сочиняешь небольшую заметку в стиле: «Трагическое происшествие на берегу канала». Сообщи некоторые подробности происшествия и напости родителям, чтобы те не позволяли своим чадам болтаться на берегу этого самого канала. Можешь даже обвинить дорожные службы, которые должны были установить ограждения в особо опасных местах. Не переживай, в мэрии привыкли, что на них

все сваливают. Это называется «отсутствием конкретного виновника в условиях коллективной ответственности». — От Жан-Поля не укрылось, что мне не по себе. — Видишь ли, счастливых журналистов не бывает. Хочешь, я скажу тебе почему? Потому что мы знаем, что происходит на самом деле. И это пожирает нас изнутри. Чтобы быть по-настоящему счастливым, нужно пребывать в неведении или уметь очень быстро забывать. Зачем, по-твоему, я столько пью? Пойдем, я угощу тебя кружкой «гёза».

На этот раз я принял его приглашение. После трех кружек «гёза», двух кружек вишневого пива плюс пять оливок, порции картофеля-фри и жирной сосиски с дижонской горчицей Жан-Поль посоветовал мне попробовать пиво под названием «Скоропостижная смерть». Смакуя янтарный напиток, одновременно горький, шипучий и сладковатый, я раздумывал, можно ли в самом деле упиться пивом до смерти. Мысли тонули в каком-то тумане, меня разбирал беспричинный смех.

Жан-Поль наклонился ко мне, его глаза сверкали.

— Да, счастливых журналистов не бывает, но вот о чем я тебе не сказал: это ремесло может быть вполне сносным при условии небольшой «химической поддержки». До сих пор ты был, так сказать, девственником и только что лишился невинности. Любой человек рано или поздно соприкасается с грязью, и лишь после этого люди действительно становятся людьми!

Он захохотал и хлопнул меня по спине.

На следующее утро в газете появились фотография маленького Мишеля в красном свитере и статья под заголовком «Трагическое происшествие на берегу канала».

Мадам Виолетта — в бигуди, тапочках и пеньюаре — показала мне за завтраком мою собственную статью.

— Бедный мальчик, он был так мил. И даже просто на фотографии видно, что он был послушным ребенком. Но он так поздно играл на берегу канала! Неудивительно, что он попал в беду. Там же ничего не видно, в том месте отвратительное освещение. Да еще там наверняка было скользко. Я всегда считала тот район опасным и никогда бы туда не пошла. Надеюсь, твоя статья хоть немного расшевелит наши власти и муниципалитет наконец установит там уличные фонари, ведь это нужно, чтобы убереечь детей.

Мне захотелось сказать ей, что когда люди сами падают в канал, то у них, как правило, не бывают связаны за спиной руки и эти люди не упакованы в мешок для мусора, но, взглянув на ее взволнованное лицо, я понял, что не в состоянии обрушить на нее этот ужас, который наверняка испортил бы ей завтрак...

Все следующие дни я работал, чувствуя, что с трудом сдерживаю ярость. Фотографии других трупов помогли мне забыть лица маленького Мишеля и его матери.

Я писал о несчастном случае с грузовиком («Водитель был навеселе и не заметил знака «стоп», — объяснил мне мотоциклист, первым оказавшийся на месте аварии); празднике урожая («Месье журналист, не хотите ли бокальчик аперитива — белое вино с ликером? Ну же, это только пойдет вам на пользу. У вас усталый вид, аперитив вас взбодрит»); восстановлении колокольни, пострадавшей от грозы («О да! Городские власти давно обещали нам ремонт и все никак не начинали. Этот удар молнии позволил наконец довести дело до ума! Бокал игристого?» — говорил кюре); встрече ветеранов войны («Присоединяйтесь! Налить вам шампанского?»); реконструкции муниципального бассейна («После фотосессии планируется небольшой дружеский коктейль. Будет сангрия, не пропустите!») плюс о трех свадьбах («Шампанское! Всего один бокал за здоровье новобрачных. Отказываться нельзя, это плохая примета»).

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)